

Естественная история
ДРАКОНОВ

Мемуары леди Трент

**МАРИ
БРЕННАН**

Иллюстратор
Тодд Локвуд

ТРОПИК ЗМЕЕВ

Естественная история драконов

Мари Бреннан

**Естественная история
драконов. Мемуары леди
Трент. Тропик Змеев**

«АСТ»

2014

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

Бреннан М.

Естественная история драконов. Мемуары леди Трент. Тропик Змеев / М. Бреннан — «АСТ», 2014 — (Естественная история драконов)

ISBN 978-5-17-108213-0

Захватывающие приключения леди Трент продолжаются! Читатели, коим посчастливилось прочесть первый том мемуаров леди Трент под названием «Естественная история драконов», уже знакомы с тем, как образованная, педантичная и целеустремленная девушка по имени Изабелла впервые ступила на исторический путь, что в будущем приведет ее к славе крупнейшего в мире исследователя драконов. В этом, втором томе леди Трент с отменной откровенностью вспоминает следующий этап своей блистательной (и зачастую скандальной) карьеры. Спустя три года после судьбоносного путешествия в неприступные горы Выштраны миссис Кэмхерст наперекор семье и обычаям отправляется в новую экспедицию – на охваченный войной эриганский континент, родину столь экзотических разновидностей драконов, как обитающие в траве степные змеи, древесные змеи, живущие в буше, и самые загадочные и неуловимые из всех – болотные змеи тропических джунглей. Экспедиция нелегка. Сопровождаемой старым партнером и беглой наследницей знатного рода, Изабелле предстоит столкнуться с угнетающей жарой, беспощадными лихорадками, дворцовыми интригами, злыми языками и прочими опасностями, дабы утолить свой безграничный интерес ко всему, что связано с драконами. Даже если для этого нужно проникнуть в самую глубь неприступных джунглей, известных как Зеленый Ад, где ее мужество, смекалка и научное любопытство подвергнутся небывалым испытаниям.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Coe)-445

ISBN 978-5-17-108213-0

© Бреннан М., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Предисловие	7
Часть первая,	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Часть вторая,	34
Глава пятая	34
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мари Бреннан

Естественная история драконов.

Тропик Змеев. Мемуары леди Трент

Copyright © 2014 by Bryn Neuenschwander All rights reserved.

Cover and interior art © Todd Lockwood

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Предисловие

Общественное мнение – материя изменчивая. Ныне меня превозносят от края до края Ширландии, как живое свидетельство интеллектуальной мощи и отчаянной храбрости, присущей нашему народу. Действительно, быть может, я и не самая знаменитая ширландка в мире, однако осмелюсь утверждать, что вполне могу потягаться в известности и с Ее Величеством Королевой. Я далека от мысли утверждать, будто пользуюсь повсеместной любовью, однако, если какая-либо газета находит уместным упомянуть обо мне (что наблюдается теперь не так уж часто ввиду того, что за последние десять лет я как-то не удосужилась ни совершить новых революционных открытий, ни оказаться на грани в надлежащей мере жуткой гибели), шансы на благосклонный тон упоминания весьма высоки.

Так было не всегда. Да, тех, кто помнит те времена, среди живущих осталось немного, и лишь немногие из них настолько неделакажны, чтобы поднимать эту тему, но некогда меня лишь поносили в прессе самого скандального свойства. Однако копания в моем грязном белье меня отнюдь не смущают – тем более что данное белье за все эти годы успело донельзя изветшать. К тому же, если предъявленные мне обвинения в одних грехах совершенно безосновательны, то другие, следует признаться, полностью справедливы – в той мере, в какой можно доверять моему собственному мнению на сей счет.

Поскольку мои мемуары еще не завершены, не могу с уверенностью сказать, будет ли второй их том посвящен сплетням и слухам превыше всех остальных. Эта честь вполне может принадлежать более позднему периоду моей жизни, предшествовавшему второму браку, когда наши взаимоотношения с будущим мужем послужили зерном для множества очень и очень деятельных мельниц – как на родине, так и за рубежом. Я еще не решила, о многом ли из этого стоит вспоминать. Но и этот том будет достойным соперником прочим, так как именно в эти годы мне довелось столкнуться с обвинениями в блуде и государственной измене, а также заслужить славу худшей из матерей во всей Ширландии. Одно это превышает достижения всей жизни абсолютного большинства женщин настолько, что даже внушает своего рода извращенную гордость.

Помимо этого, данная часть моих мемуаров, конечно же, расскажет вам о моей экспедиции в Эригу. И предупреждения, сделанные в предисловии к первому тому, касаются и ее: если вас могут отпугнуть описания насилия, болезней, чуждой ширландскому вкусу пищи, экзотических религиозных верований, публичной наготы, либо грубых дипломатических просчетов, закройте эту книгу и перейдите к чтению чего-либо более подходящего.

Но уверяю вас: сама я сумела пережить все эти неприятности, и чтение о них вы, вероятнее всего, также переживете.

*Леди Трент
Амави, Прания,
23 вентиса 5659 г.*

Часть первая, в которой мемуаристка покидает родину, оставив позади множество различных проблем, от семейных до криминально-правовых включительно

Глава первая

*Мое затворничество – Мои невестка и мать – Нежданный визитер –
Несчастье у Кембла*

Незадолго до того, как отправиться в Эригу, мне пришлось препоясать чресла и выступить в поход, который я полагала куда более опасным – то есть поехать в Фальчестер.

Нет, в обычном смысле слова столица вовсе не была таким уж ужасно опасным местом, если не считать опасности вымокнуть под дождем. Я регулярно ездила туда из Пастеруэя, чтобы следить за состоянием некоторых дел. Однако эти поездки не получали широкой огласки – то есть о них было известно лишь горстке людей, никто из которых не страдал болтливостью. Насколько же было известно всей Ширландии (точнее, тем немногим, кому было до этого дело), я вела жизнь затворницы – с тех самых пор, как вернулась из Выштраны.

Затворничество мое было позволительно ввиду личного горя, хотя на самом деле я проводила большую часть времени в работе – вначале над подготовкой к публикации результатов наших выштранских исследований, а затем в приготовлениях к эриганской экспедиции, которая раз за разом откладывалась в силу совершенно непреодолимых для нас обстоятельств. Однако этим граминисским утром я не могла уклониться от социальных обязанностей, которые исправно хоронила под вышеназванными делами. Лучшим выходом было разделаться с ними разом, в один и тот же день: вначале нанести визит кровным родственникам, а затем – родственникам со стороны мужа.

От моего дома в Пастеруэе до фешенебельного района Хэвистоу, где год назад обосновался Пол, старший из моих братьев, было совсем недалеко. Обычно, благодаря сразу двум счастливым обстоятельствам – его частым отлучкам и полному отсутствию интереса ко мне со стороны его супруги, – мне удавалось избегать обязательных родственных визитов к нему, но на сей раз я получила особое приглашение, и проще было принять его, чем ответить отказом.

Пожалуйста, поймите: я вовсе не питала неприязни к собственной семье. Мои отношения с родными чаще всего были достаточно теплыми, а с Эндрю, младшим из братьев – просто прекрасными. Но остальные братья находили меня, мягко говоря, странной, а осуждение моего поведения матерью склоняло к тому же и их. Что потребовалось от меня Полу в этот день, я не знала, но в общем и целом предпочла бы встречу с рассерженным выштранским горным змеем.

Увы, эти создания обитали слишком далеко, а брат – так близко, что от него было не скрыться. Чувствуя себя так, будто опоясываюсь мечом перед битвой, я с подобающим леди изяществом приподняла юбки, взошла на крыльцо и позвонила в колокольчик.

Лакей впустил меня внутрь и препроводил к невестке, ждавшей в малой столовой. Джу-дит была образцом жены и матери семейства, принадлежащего к высшему классу ширландского общества, во всех смыслах, в которых я таковой не являлась: неизменно прекрасно, но без стесняющих излишеств одета; гостеприимная хозяйка, всемерно помогающая работе мужа всеми средствами светской жизни; любящая мать троих детей, явно не собирающаяся на сем останавливаться.

Роднило нас только одно, а именно – Пол.

– Я не вовремя? – осведомилась я, принимая чашку чая.

– Конечно, вовремя, – ответила Джудит. – Сейчас Пола нет – у него встреча с лордом Мелстом, – но мы будем рады, если вы останетесь до его возвращения.

С лордом Мелстом? Да, Пол стремительно шел в гору.

– Полагаю, дела Синедриона? – заметила я.

Джудит кивнула.

– После того, как он занял это кресло, нам выпала недолгая передышка, но теперь все его время отдано государственным делам. Боюсь, я почти не увижу его до самого гелиса.

Это значило, что я могу ждать здесь у моря погоды очень и очень долго.

– Тогда не стоит обременять вас, – сказала я, отставив чашку и поднимаясь с места. – Думаю, мне лучше уехать и вернуться позже. Сегодня я обещала нанести визит также и деверю, Мэттью.

К моему удивлению, Джудит подняла руку, останавливая меня.

– Нет, прошу вас, останьтесь. У нас сейчас гостья, и она надеялась увидеться с вами...

Возможности спросить, кто эта гостья, мне так и не представилось, хотя определенные подозрения зародились в тот же миг, как Джудит открыла рот. Дверь распахнулась, и в гостиную вошла мать.

Теперь все стало ясно. Дорожа душевным спокойствием, я незадолго до этого перестала отвечать на письма матери. Та, даже когда я прямо попросила об этом, и не подумала прекратить критиковать каждый мой шаг и намекать на то, что я потеряла в Выштране мужа из-за собственного своеволия и недомыслия. Конечно, игнорировать ее было неучтиво, но альтернатива была бы много хуже. Потому-то, чтобы увидеться со мной, ей нужно было явиться в мой дом без предупреждения... или же обманом заманить меня в чужой.

Подобная логика отнюдь не смягчила моей реакции. Если только мать не явилась предложить примирение (в чем я сильно сомневалась), это была ловушка. Я бы скорее вырвала себе зуб, чем согласилась выносить ее новые обвинения. (Дабы вы не подумали, будто это просто фигура речи, в скобках замечу, что однажды мне действительно довелось вырвать себе зуб, и данное сравнение не из тех, какими легко разбрасываются.)

Как выяснилось, на сей раз ее обвинения хотя бы основывались на свежем материале.

– Изабелла, – заговорила мать, – что это за вздор: я слышала, ты собираешься в Эригу?

Я славлюсь склонностью обходиться в разговоре без светских условностей и, как правило, приветствую эту черту в остальных. Но в данном случае слова матери подействовали на меня, как стрела, пущенная из засады и вонзившаяся прямо в мозг.

– Что? – с довольно глупым видом переспросила я (не потому, что не поняла ее, но потому, что даже не представляла себе, где и от кого она могла об этом слышать).

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – неумолимо продолжала мать. – Изабелла, это просто абсурд. Ты не можешь снова отправиться за границу – а уж тем более в Эригу! Там же воюют!

Я вновь нащупала кресло, воспользовавшись паузой, чтобы восстановить душевное равновесие.

– Это преувеличение, мамá, и ты сама это прекрасно понимаешь. В Байембе нет никакой войны. Талусский манса не осмелится на вторжение, пока граница находится под защитой ширландских солдат.

На это мать только хмыкнула.

– Думаю, тому, кто – после двухсотлетней оккупации! – выгнал ахиатов из Элерки, смелости не занимать. И даже если не нападет он, кто может поручиться за этих ужасных иквунде?

– Их отделяют от Байембе все мулинские джунгли, – раздраженно напомнила я. – Не считая, конечно, рек и ширландских войск, что стоят там на страже. Мама́, весь смысл нашего военного присутствия в Байембе – в обеспечении безопасности этих земель.

Мать смерила меня до жути серьезным взглядом.

– Изабелла, солдаты не могут устранить опасность. В их силах лишь уменьшить ее.

Да, все свое ораторское искусство я унаследовала от матери, но в тот момент была не в настроении восхищаться ее формулировками. Как и радоваться ее осведомленности в делах политики – кстати сказать, крайне удивительной. Ширландские дамы ее положения, да и большая часть мужчин тоже, вряд ли смогли бы назвать две эриганские силы, вынуждавшие Байембе искать помощи за рубежом – иными словами, в Ширландии. Джентльменов в те времена интересовало только крайне однобокое «торговое соглашение», согласно которому в Ширландию шло байембийское железо и прочие ценные ресурсы, за что байембийцы позволили нам разместить по всей своей земле солдат и построить колонию в Нсебу. Леди же подобными вещами не интересовались вовсе.

Уделяла ли мать всему этому внимание прежде или занялась самообразованием, прослышав о моих планах? В любом случае я собиралась сообщить ей эту новость вовсе не так. Как именно – я еще не решила: я раз за разом откладывала это дело, насколько понимаю сейчас, из чистой трусости. И вот он, результат – неприятная сцена на глазах у невестки, судя по вежливой гримасе, застывшей на лице, прекрасно знавшей, чем кончится наша встреча.

(Внезапно шевельнувшийся в мозгу червь подозрения подсказал мне, что знал об этом и Пол. Встреча с лордом Мелстом – ну да, конечно! Как жаль, что ему пришлось уехать именно к моему появлению!)

Что ж, по крайней мере, это означало, что к попрекам матери не присоединятся союзники.

– Будь там настолько опасно, – сказала я, – министерство иностранных дел ни за что не позволило бы гражданам путешествовать в Эригу, не говоря уж о том, чтоб там селиться. А оно позволяет и то и другое. Что ты на это скажешь?

Ей вовсе ни к чему было знать, что одна из непрерывных задержек нашей экспедиции была связана именно с попытками убедить министерство иностранных дел дать нам визы.

– В самом деле, мама́, какие войны? В Эриге куда больше следует опасаться малярии.

Не знаю, что меня дернуло за язык, но с моей стороны это было чистым идиотизмом. Глаза матери странно блеснули.

– В самом деле, – сказала она так, точно эти слова были застывшим на морозе стеклом. – Однако ты намерена отправиться в этот рассадник тропических заболеваний, даже не подумав о собственном сыне.

Ее обвинение было и справедливым, и в то же время – нет. Действительно, я думала о сыне не так много, как можно ожидать. После его рождения у меня оказалось так мало молока, что пришлось нанимать кормилицу, и меня это более чем устраивало: маленький Джейкоб слишком напоминал своего покойного тезку. Теперь он, двухлетний, отнятый от груди, находился на попечении няни. Согласно брачному контракту, я была весьма щедро обеспечена, но большая часть этих денег шла на научные исследования, а книги о нашей экспедиции в Выштрану – научная работа под именем мужа и мои собственные пустопорожные путевые заметки – не принесли тех доходов, на какие можно было надеяться. Однако из того, что оставалось, я щедро платила за заботу о сыне – и вовсе не потому, что вдове второго сына баронета не пристало выполнять эту работу самой. Сама я просто не знала бы, что делать с Джейкобом.

Люди часто полагают, что все премудрости материнства – вещь чисто инстинктивная: дескать, как бы мало женщина ни смыслила в уходе за детьми до рождения собственного первенца, сам факт половой принадлежности обеспечит ей все необходимые навыки и способности. Это в корне неверно даже на грубейшем биологическом уровне, что подтверждается

отсутствием у меня молока, и уж тем более неверно на уровне социальном. В последующие годы я начала понимать детей с точки зрения натуралиста: я знакома с процессом их развития и могу оценить это чудо прогресса по достоинству. Но в то время маленький Джейкоб был для меня существом куда более загадочным, чем дракон.

Так кто же сможет ухаживать за ребенком лучше – женщина, занимавшаяся этим прежде, оттачивавшая свои навыки годами и любящая свое дело, или неумеца, не получающая от этого ни малейшей радости и считающаяся пригодной для данной работы в силу одного лишь прямого биологического родства? Мое мнение было целиком на стороне первой, и потому я не видела разумных причин, препятствующих поездке в Эригу. Вот с этой точки зрения я очень даже думала о сыне!

Однако о том, чтоб изложить все это матери, не могло быть и речи.

– Мэтью Кэмхерст с женой, – заговорила я, чтобы потянуть время, – предложили взять его к себе, пока меня нет. У Бесс уже есть ребенок почти тех же лет, и вместе им обоим будет веселее.

– А если ты погибнешь?

Этот вопрос рухнул на нить беседы, точно мясницкий тесак, и значительно укоротил ее. Щеки мои вспыхнули от гнева или от стыда – скорее всего, от того и другого разом. Прямолинейность матери в этом вопросе возмутила меня до глубины души... но ведь в выштранской экспедиции погиб мой муж. Вполне вероятно, меня ждала в Эриге та же участь.

Мертвую, истекающую кровью тишину нарушил стук в дверь. Вслед за этим в гостиную вошел дворецкий с серебряным подносом в руке. Склонившись, он подал Джудит лежавшую на подносе карточку, и Джудит приняла ее – механически, будто марионетка, которую потянули за нить, приводящую в движение руку. Недоумение выгравировало на ее переносице крохотную морщинку.

– Кто такой Томас Уикер?

Это имя возымело эффект не замеченного вовремя бордюрного камня на краю мостовой: мысленно споткнувшись о него, я едва не упала ничком.

– Томас Уи... а он-то что здесь делает? – догадка, пусть и явившаяся с запозданием, успела помочь удержаться на ногах. Ни Джудит, ни мать не были с ним знакомы, и ответ оставался только один. – О, думаю, он здесь с тем, чтобы увидеть меня.

Спина Джудит разом выпрямилась и затвердела: так наносить светские визиты не полагалось. Мужчине не следовало являться на поиски вдовой женщины в дом, ей не принадлежащий. Мельком взглянув на карточку, брошенную Джудит обратно на поднос, я отметила, что это, собственно, даже не визитная карточка, а клочок бумаги с написанным от руки именем мистера Уикера. Час от часу не легче! Мистер Уикер, строго говоря, не был джентльменом – тем более из тех, что бывают в этом доме с визитами в обычных обстоятельствах.

Я сделала, что могла, чтобы выиграть время.

– Прошу прощения. Мистер Уикер – ассистент эрла Хилфордского, которого вы, конечно, помните: это он организовал экспедицию в Выштрану, – и теперь организовывал эриганскую, хотя состояние здоровья не позволяло ему сопутствовать нам. Но ради каких невероятно спешных дел лорд Хилфорд мог отправить мистера Уикера за мной в дом брата? – Мне следует поговорить с ним, но беспокоить этим вас ни к чему. Я уезжаю.

Вскинутая рука матери остановила меня прежде, чем я успела подняться с кресла.

– Не стоит, не стоит. Думаю, мы все с большим интересом послушаем, что скажет этот... мистер Уикер.

– В самом деле, – слабым голосом сказала Джудит, повинувшись невысказанному приказу, кроющемуся в словах матери. – Пришлите его к нам, Ландуин.

Дворецкий с поклоном удалился. Судя по расторопности, с коей появился мистер Уикер, он рванулся вперед в тот же миг, как его пригласили войти; в каждом его движении чувствова-

лись волнение и тревога. Однако он уже давно изо всех сил старался улучшить манеры, усвоенные с детства, и потому прежде всего представился Джудит.

– Доброе утро, миссис Эндмор. Я – Томас Уикер. Простите, что беспокою вас, но у меня срочное сообщение для миссис Кэмхерст. Должно быть, мы с ней разминулись по дороге: я приехал к ней вскоре после того, как она выехала из дому. А новости, боюсь, настолько плачевны, что не могут ждать. Мне сказали, она отправилась с визитом к вам.

Услышав его отрывистую, не слишком внятную речь, я изо всех сил стиснула кулаки, охваченная самыми дурными предчувствиями. Между тем мистер Уикер, как и подобает, смотрел только на Джудит – разве что коротко кивнул в мою сторону, когда произнес мое имя, и я помимо собственной воли переглянулась с матерью.

Увиденное в ее глазах повергло меня в изумление. «Мы все с большим интересом послушаем, что скажет этот мистер Уикер...» Да она думала, что он – мой любовник! Возможно, я несколько преувеличивала, но на лице матери было именно такое выражение, точно она со всем вниманием приглядывалась к нам в поисках признаков нашей непристойной связи, но осталась ни с чем.

Так и должно было случиться. Пусть мы с мистером Уикером и не были больше на ножах, как в Выштроне, но романтических чувств к нему я питала не больше, чем он ко мне. Наши отношения были чисто деловыми.

Мне очень хотелось в самых недвусмысленных выражениях дать матери отповедь за подобные мысли, но я воздержалась. Не столько из-за совершенной недопустимости подобных разговоров на людях, сколько из-за того, что вспомнила: нас с мистером Уикером связывают не только вопросы эриганской экспедиции, но и еще одно дело.

К счастью, прежде, чем я успела забыть о рамках приличий и разразиться вопросами, Джудит жестом пригласила мистера Уикера продолжать.

– Разумеется, мистер Уикер. Или ваше сообщение – не для посторонних ушей?

Помня о подозрениях матери, я не согласилась бы выслушать его новости наедине даже за сто соверенов.

– Прошу вас, – сказала я. – Что произошло?

Мистер Уикер испустил долгий вздох, и все напряжение оставило его. Он разом обмяк, плечи его поникли.

– Вторжение со взломом. К Кемблу.

– К Кемблу... о, нет, – мои плечи тоже поникли, точно так же, как и его. – Что уничтожено? Или...

Мистер Уикер мрачно кивнул.

– Украдено. Его записи.

Не уничтожение, но кража... Кто-то узнал, чем занимается Кембл, и решил украсть результаты его работы, чтобы воспользоваться ими самому.

Совершенно забыв о подобающем леди достоинстве, я устало опустилась в кресло. Фредерик Кембл был химиком, нанятым мистером Уикером – вернее, мной: деньги были моими, хотя выбирал их получателя он – для продолжения исследований, данные о которых мы, в свою очередь, похитили в Выштроне три года назад.

Эти исследовательские данные касались методики сохранения драконьей кости – изумительного вещества, прочного и легкого, но быстро распадающегося вне живого организма.

Чиаворец, разработавший эту методику, был вовсе не первым, пытавшимся добиться этого. То, что началось с простой таксидермической проблемы, порожденной стремлением охотников сохранять трофеи в виде голов убитых драконов и желанием натуралистов получить образцы для долговременного изучения, вызвало немалое любопытство со стороны химиков. В поиске решения этой головоломки состязались около десятка ученых: каждый старался

найти ответ (как они полагали) первым. По-видимому, несмотря на все наши старания держать работу Кембла в секрете, кто-то прознал о ней.

– Когда? – спросила я, но тут же отмахнулась от этого вопроса, как от глупого и бессмысленного. – Впрочем, ясно: прошлой ночью, и более точное время вам вряд ли известно.

Мистер Уикер кивнул. Он жил в городе и каждый селемер с утра первым делом навещал Кембла. Значит, новости были утренними, если только Кембл не услышал взломщика и не спустился вниз в ночной рубашке посмотреть, что там за шум.

Внезапно похолодев, я подумала о том, что могло бы случиться, если бы так и вышло. Пустился бы взломщик бежать? Или наутро мистер Уикер обнаружил бы нашего химика мертвым?

Подумав об этом, я тут же упрекнула себя в излишнем драматизме. Но, справедлив был упрек или нет, времени на подобные мысли у меня не оказалось: от раздумий отвлек резкий голос матери.

– Изабелла! Во имя неба, о чем говорит этот человек?

Непочтительная мысль о том, что мать, по крайней мере, не сумела найти в сообщении мистера Уикера ни намека на что-либо нескромное, послужила мне некоторым утешением.

– О наших исследованиях, мамá, – ответила я, выпрямляясь в кресле и поднимаясь на ноги. – Тебя это никоим образом не должно волновать. Но, боюсь, визит придется прервать: мне крайне необходимо поговорить с мистером Кемблом, и как можно скорее. Поэтому я, с твоего позволения...

Мать тоже встала и протянула руку мне вслед.

– Прошу тебя, Изабелла. Я ужасно беспокоюсь за тебя. Эта экспедиция, в которую ты намерена...

Должно быть, она действительно была обеспокоена, если заговорила о столь личных материях при постороннем – то есть мистере Уикере.

– Мамá, поговорим об этом позже, – сказала я, отнюдь не собираясь продолжать этот разговор. – Дело действительно неотложное. Я вложила в работу мистера Кембла немалые деньги и должна выяснить, сколько потеряла.

Глава вторая

*У Фредерика Кембла – Синтез – Симпозиум – Лорд Хилфорд – Натали
и ее виды на будущее – Две недели*

Затворническая жизнь крайне отрицательно сказывается на живости речи. За эти годы я привыкла обдумывать свои слова, перечитывать их по нескольку раз и переписывать начисто, прежде чем отправить окончательный вариант письма адресату. Но мое замечание достигло предполагаемой цели – мать наконец-то позволила мне уйти под вежливые прощания Джулии, заполнявшие неловкие паузы. Но, стоило выйти на улицу, от моего удовлетворения не осталось и следа.

– Боюсь, я еще пожалею об этом, – призналась я мистеру Уикеру, натягивая перчатки.

– Не думаю, что вы потеряли так уж много денег, – заметил он, поднимая руку, чтобы остановить кеб-двуколку, направлявшийся к ближайшей извозчицкой бирже.

Вздохнув, я опустила его руку.

– Мой экипаж – через улицу. Нет, речь не о вложениях – жалеть о них мне и в голову не пришло бы. Только о том, что я упомянула об этом при матери. Сейчас она склонна считать ошибочным все, что бы я ни делала.

Мистер Уикер оставил это без ответа. Хоть отношения наши и сделались к тому времени теплее, между нами не было обычая обсуждать друг с другом личные неприятности.

– Впрочем, пропало не все, – сказал он. – Прошлым вечером, отправляясь спать, Кембл взял последний из дневников с собой, наверх, чтобы перечитать и подумать перед сном. Возможно, его жена и недовольна этой привычкой, но в данном случае нам остается только благодарить за нее бога.

(Тех из моих читателей, кого коробят подобные мелкие богохульства, должна предупредить: дальше последуют и новые. Во время выштранской экспедиции мистер Уикер сдерживал язык в моем присутствии, но после того, как мы свыклись друг с другом, за ним обнаружилась привычка поминать имя господи всуе. Если же подвергать его язык цензуре, вы не получите полного представления о его характере, и посему молю вас простить его – а заодно и мою – прямому. Ни он, ни я особой религиозностью никогда не отличались.)

Миссис Кембл вовсе не была возмущенной домохозяйкой: она работала с мужем, взяв на себя практические заботы наподобие заказа и отмеривания химикатов, пока он часами таращился в стену и грыз разлохмаченный кончик пера, погружившись в теоретические размышления. Однако она полагала, что работу следует отделять от повседневной жизни, и я – как вы могли заметить, человек того же склада ума, что и Фредерик Кембл – благословляла ее неспособность отучить мужа от его привычек.

Так я и сказала ей, когда мы прибыли в Таннер-филдс, в дом Кембла, служивший ему и лабораторией. Ответом мне был холодный взгляд, не вполне скрывавший нервозность, вызванную ночным вторжением.

– Благодарю вас, миссис Кэмхерст, но, боюсь, лабораторной посуды его привычки не убергли.

– Позвольте взглянуть, – сказала я.

Миссис Кембл отвела нас в подвал, освещенный лишь лучами солнца, проникавшими внутрь сквозь подвальные окошки. Но масштаб разрушений нетрудно было оценить и в полумраке: повсюду битое стекло, сломанные и искореженные измерительные приборы... Воздух был полон вони химикалий, несмотря на распахнутые окна и усилия мальчишки, старательно вращавшего ручку вентилятора снаружи. Грабители не только похитили записи Кембла – они сделали все, что могли, чтобы замедлить его будущий прогресс.

– Мне очень жаль, миссис Кембл, – сказала я, зажимая нос платком. – Напишите моему поверенному, и я позабочусь о возмещении ущерба. Конечно, это не восстановит вашего душевного спокойствия, но... – я беспомощно развела руками. – Но хотя бы поможет восстановить лабораторию.

– Очень любезно с вашей стороны, миссис Кэмхерст, – смягчившись, ответила она. – Кембла я отослала наверх, чтобы не путался под ногами, пока я разбираюсь, что сломано, а что пропало. Люси приготовит вам чаю.

Мы с мистером Уикером послушно поднялись в гостиную, где обнаружили Фредерика Кембла, яростно строчившего что-то на листе писчей бумаги. Другие такие же листы были разбросаны по столу и по полу, и Люси, единственная незамужняя дочь Кемблов, безуспешно пыталась найти свободное место для подноса с чайными приборами и стопкой чистой бумаги. Увидев нас на пороге, она коснулась локтя отца.

– Папа...

– Не сейчас! Дайте же мне...

Он резко мотнул головой – по-видимому, это должно было заменить взмах руки, поскольку руки его были заняты.

Люси отступила к нам.

– Что он делает? – тихонько, не смея повысить голос, спросила я.

– Записывает все, что удастся вспомнить, – ответила Люси. – Из того, что было в похищенных дневниках.

После трех лет работы процесс консервации драконьей кости должен был отпечататься на изнанке его век: даже я запомнила его во всех подробностях, отнюдь не будучи химиком и не понимая, что означает большая их часть. Что же до остального...

– Мистер Уикер сказал, что последний из дневников уцелел, верно? А если так, что проку в прежних дневниках?

Большая часть прежних дневников описывала неудачные эксперименты и к данному моменту устарела.

Люси развела руками.

– Он говорит, даже старые дневники очень важны: ему нужно заглядывать в них время от времени.

Она ушла, чтобы принести еще чашек, и после этого мы с мистером Уикером, устроившись в дальнем углу гостиной, выслушали ее рассказ о взломе и о прогрессе в расследовании его причин. К концу рассказа Кембл был готов сделать перерыв в работе и обратить внимание на окружающий мир.

– Явись они накануне шаббата... – сказал он, очевидно, радуясь, что этого не произошло. Дочь подала ему чашку чая, он принял ее, не глядя, и рассеянно выпил до дна. – В эромер, за ленчем, я просматривал старые дневники и нашел в них кое-что, достойное внимания. В прошлом году я...

Мистер Уикер, давно научившийся распознавать тревожные признаки, прервал Кембла прежде, чем тот успел углубиться в дебри научного жаргона, в котором я не поняла бы ни слова. На протяжении одной моей жизни объем наших познаний возрос так стремительно, что я, хоть и считаюсь дамой весьма ученой, совершенно не разбираюсь в целом ряде областей науки, к числу коих принадлежит и химия. Во времена моей молодости все это не входило в курс обучения юных леди, а мое самообразование развивалось в иных направлениях. Посему мистер Уикер перевел разговор на то, что меня действительно интересовало.

– Да, утром вы упоминали об этом. У вас возникла новая идея?

– Думаю, да, – ответил Кембл. – Пока что это только мысли; потребуется множество опытов. Но, возможно, мне, наконец, удалось найти идею синтеза.

Эти слова я слышала от него уже в пятый раз – иначе, наверное, была бы взволнована куда сильнее. В конце концов, для этой цели мы и наняли Кембла. Мы знали, как сохранить драконью кость, это больше не составляло трудностей. Но три года назад, обсуждая эту тему, мы с мистером Уикером поняли, к чему могут привести эти знания.

Физические свойства драконьей кости делали ее весьма привлекательной не только для охотников, желавших сохранить на память охотничьи трофеи, и натуралистов, жаждавших заполучить образцы для неторопливого изучения *post mortem*¹. Прочностью и легкостью драконья кость намного превосходила железо и сталь, и, ввиду истощения легкодоступных месторождений железной руды в Антиопе и прочих частях света, ценность любой альтернативы год от года росла.

Последствия промышленного применения драконьей кости я могла бы перечислять очень и очень долго. Более того, я загодя написала на эту тему статью, готовую к отправке во все заслуживающие уважения издания в любую минуту. Драконы встречались еще реже, чем железо, и, хотя действительно размножались (чего не водится за железной рудой), любой хоть сколько-нибудь масштабный спрос на их кость привел бы к их массовому истреблению, а то и к полному уничтожению. Неправильная форма многих костей делала их плохо пригодными для постройки машин, вследствие чего множество материала шло бы в отходы. Дороговизна и трудность его добычи путем охоты на драконов (многие из которых обитают в областях столь же чужих и далеких, как и те, что до сих пор были богаты железом) делала все это предприятие, мягко говоря, не слишком выгодным. Все это излагалось на многих страницах, однако в моих построениях имелся серьезный изъян: они основывались на том, что люди, прежде чем принимать решение, поразмыслят над данным вопросом, выбрав рациональный подход.

Правда же заключалась в том, что эта идея привлекла бы к себе множество аферистов, будто дохлая лошадь – стаю падальщиков, готовых в считанные минуты обглодать кости дочи-ста. И если бы я попыталась убедить себя, что это преувеличение, что до такого мрачного сценария дело не дойдет, достаточно было бы вспомнить эриганский континент, где в дела местных народов, привлеченные зовом железа, вмешались несколько антиопейских держав. Если уж ради возможности строить новые паровые машины Тьессин пошел на завоевание Дьяпы, Чиавора инспирировала государственный переворот в Агви, а Ширландия встала стеной между Талусским Союзом и военной мощью Иквунде, то несколькими безмозглыми тварями мы тем более пожертвуем без колебаний.

Я вздохнула и допила чай.

– При всем уважении к вам, мистер Кембл, я едва ли не рада еще одному взгляду на нашу проблему. Уверена, вы в силах решить эту головоломку, имея достаточно времени, но, вполне вероятно, времени-то у нас и нет. Рано или поздно кто-нибудь додумается до метода Росси даже без ваших дневников. И, если мы хотим предотвратить тот хаос, к которому это неизбежно приведет, нам нужен способ удовлетворить потребности в новом материале без убийства драконов.

– Сомневаюсь, что нам настолько повезет, – мрачно сказал мистер Уикер. – С обладателем этого еще одного взгляда. Многие ли согласятся затратить столько же сил, сколько мы с вами, всего-то ради спасения животных? Мы уже истребляем слонов ради слоновой кости, а тигров – ради шкур, а ведь то и другое – материалы чисто декоративные.

Скорее всего, он был прав.

– Тогда, – со вздохом сказала я, – остается только надеяться, что полиция сумеет вернуть похищенные дневники, хотя надежда невелика. Нет ли у нас каких-либо соображений, кто мог сделать это?

---

¹ Здесь: посмертно (лат.). Здесь и далее – примеч. перев.

Судя по воцарившемуся в гостиной угрюмому молчанию, ответ начинался с «да», а дальше становился таким, что хуже некуда.

– Думаю, о симпозиуме вам известно, – уклончиво ответил мистер Уикер.

Речь шла о съезде ученых, устроенном Коллоквиумом Натурфилософов, самым почтенным научным обществом Ширландии. Мистер Уикер не был приглашен на этот симпозиум, так как не относился к числу благородных джентльменов. Не получила приглашения и я, при всем благородстве происхождения не относившаяся к числу мужчин.

Однако оба мы знали того, кто соответствовал и тому и другому требованию.

– Если это один из гостей, возможно, лорду Хилфорду удастся что-нибудь выяснить.

– Но времени у него будет мало, – сказал Кембл, очнувшись от раздумий, в которые так часто погружался с головой. – Если не ошибаюсь, симпозиум закрывается на этой неделе.

Так оно и было: вскоре съехавшимся ученым предстояло отправиться по домам.

– В самом деле. Тогда я, кажется, знаю, чем у меня занят остаток дня.

* * *

Уже на пороге городского дома лорда Хилфорда я вспомнила, что обещала нанести визит родственникам со стороны мужа, но все равно постучалась в дверь, решив попросить эрла отправить им записку. Как выяснилось, он еще не вернулся домой с лекций, и времени у меня, пока я ожидала его в гостиной, оказалось предостаточно.

Если вы подумаете, что этого времени вполне хватило бы, чтобы сдержать обещание, то будете более-менее правы. Кэмхерсты жили совсем недалеко от лорда Хилфорда, на Морнетти-сквер, и на дорогу туда и обратно потребовалось бы не более двадцати минут. Но я не могла знать, надолго ли у них придется задержаться, а предупредить лорда Хилфорда о вторжении к Кемблу следовало как можно скорее. Если за этим возмутительным происшествием стоял кто-то из гостей симпозиума, у нас было очень мало времени на то, чтоб выяснить, кто именно, и еще меньше – чтобы хоть что-нибудь предпринять.

По крайней мере, так говорила я самой себе, но истинным было другое: сказав матери, что мой деверь Мэттью согласен взять Джейкоба к себе на время моего отсутствия, я умолчала о том, что он отнесся к этому плану без всякого энтузиазма. Его жена вовсе не возражала против временного прибавления в семействе, но Мэттью не на шутку опасался, что оно легко может сделаться постоянным. Возможно, он-то и проболтался о нашей экспедиции в Эригу там, где это могла слышать мать. Совершенно опустошенная утренней стычкой и ужасной новостью об ограблении со взломом, я была совсем не в настроении видеться с тем, кого не могла счесть добрым другом.

Поэтому я написала записку с извинениями, отправила ее на Морнетти-сквер с посыльным лорда Хилфорда, крепко сцепила пальцы и принялась в тревоге расхаживать по комнате; к возвращению эрла я успела составить сотню самых разных (и совершенно никчемных) планов.

Услышав из передней его рокочущий бас, я не смогла усидеть в гостиной. Увидев меня в дверях, он изумленно вскинул кустистые белые брови.

– Неизменно рад видеть вас, миссис Кэмхерст, но, судя по выражению лица, вас привели ко мне отнюдь не добрые вести.

– Именно, – подтвердила я.

Пока он освобождался от плаща и шляпы, я вкратце рассказала, что стряслось. Трость он прихватил с собой: с годами его ревматизм ухудшался и мало-помалу превращал ее из простого украшения в предмет насущной необходимости. Проследовав за мной в гостиную, лорд Хилфорд со вздохом опустился в кресло.

– М-м-м, – протянул он, дослушав мой рассказ. – Заставляет задуматься: уж не побывал ли кто-нибудь в Выштроне? Ильиш ни о чем подобном из Друштанева не писал, но вы же знаете, как там обстоят дела с почтой. К тому же, кто-то мог проскользнуть незамеченным.

Друштаневские крестьяне должны были охранять от любопытствующих расположенную неподалеку пещеру – драконье кладбище. Найденные в ней неразложившиеся драконьи кости и подсказали, какова роль кислоты в процессе их консервации.

– В книге мы не писали об этом ничего, – напомнила я лорду Хилфорду, имея в виду монографию, опубликованную по результатам нашей экспедиции. – Только отметили, что драконы разрывают своих умерших на части и переносят эти части в некую пещеру. Это никого не могло натолкнуть на мысли о сохранении драконьей кости – и тем более о местоположении пещеры.

Взмах руки эрла напомнил о том, что в моих словах нет для него ничего нового.

– Все же такой возможностью не стоит пренебрегать. Еще один возможный вариант: Кембл заговорил.

– Если он заговорил, зачем было громить его лабораторию? – с возмущением возразила я, но тут же обнаружила изъян в собственной логике. – А-а, вы обвиняете его не в продаже секрета, а только в случайной оговорке, позволившей кому-то из посторонних догадаться, над чем он работает.

– Это мог сделать любой из нас, – согласился лорд Хилфорд. – Включая меня. Хотелось бы думать, что я не из болтливых, но... Ученые пьют куда больше, чем принято считать, а я уже не так устойчив к алкоголю, как в прежние времена.

Я подумала, что это, по крайней мере, вряд ли была я сама. Не в силу каких-либо особых достоинств, но лишь благодаря отсутствию возможности: ведь все это время я почти не общалась с незнакомыми людьми. Однако говорить об этом было бессмысленно, и потому я сказала только:

– Кого из приглашенных на симпозиум вы могли бы заподозрить? Или, возможно, из членов Коллоквиума?

Лорд Хилфорд досадливо крикнул.

– К несчастью, не одного и не двух. Во-первых, этому крысомордому мараньонцу я не верю ни на грош: его уже обвиняли в том, что он выдает чужие результаты за собственные. Во-вторых, Гуаталакар открыто признает, что работает над сохранением драконьей кости. Из бульской делегации никто об этом не говорил, но возможностей шарить по всей Выштроне у них куда больше, чем у остальных. Что до хингезцев... Простите, миссис Кэмхерст, но мне нужно знать больше, иначе остается только гадать.

– Ну что ж, мистер Уикер все еще у Кембла, они говорили с полицией – можно надеяться, какой-нибудь след вскоре будет найден, – я поднялась и снова начала мерить шагами гостиную, крепко сцепив пальцы на груди. – Как жаль, что я ничем не могу ускорить эти исследования! Деньги ведь еще не все – они не заставят мозг Фредерика Кембла работать быстрее.

– Уделите больше внимания собственным исследованиям, – резонно сказал лорд Хилфорд. – Возможно, сумеете обнаружить что-либо полезное. А если и нет, чем больше мы знаем о драконах, тем больше знаний сможем использовать для их защиты. Но... э-э... если позволите перейти от одной волнующей нервы материи к другой...

Этого было достаточно, чтобы я замерла на месте. Подобной тревоги в голосе эрла я не слышала еще никогда. Я повернулась к нему, но он молчал, жуя кончик вислого уса. Молчание затягивалось.

– О, говорите же, – довольно резко сказала я. – От долгого ожидания моим нервам легче не станет.

– Натали, – нехотя сказал он. – Или, скорее, ее семья.

Обычно ни его внушка, ни ее семья предметом хоть сколько-нибудь напряженных разговоров не служили, но...

– Дайте-ка угадаю, – со вздохом сказала я. – Они решили, что я для нее – компания неподходящая. Что ж, это мнение разделяет вся Ширландия: я – неподходящая компания для всех и каждого.

– Не совсем так. Они полагают вас эксцентричной, но по большей части безвредной. Беда вот в чем: общество эксцентричной дамы не пойдет на пользу незамужней юной леди, если та желает изменить семейное положение.

Я удивленно наморщила лоб.

– Но ведь Натали всего... – но тут арифметика нагнала мои слова и заставила их прервать бег. – Почти двадцать, – обескураженно закончила я. – Понимаю.

– Именно, – лорд Хилфорд тоже вздохнул, разглядывая набалдашник трости куда внимательнее, чем он того заслуживал. – И потому ее семья твердо убеждена, что ей не следует сопровождать вас в грядущей экспедиции. Вы будете в отъезде минимум полгода, а вероятно, и больше, а это – гибель всех ее брачных перспектив. «Старая дева», и все такое... Я возражал, вправду возражал, но...

В этом я не сомневалась. Лорд Хилфорд имел весьма прогрессивные взгляды на то, что позволено дамам, а Натали просто обожал, однако законным опекуном внушки был не он.

– Вы говорили с ней?

– Она знает, что думает на этот счет ее семья. Я надеялся, что вы сможете поговорить с ней – ну, знаете, как женщина с женщиной – и попробовать уговорить ее смириться с положением дел. Ее ведь не собираются приковать цепью к какому-нибудь тупому и грубому зверю. Однако, если Натали не найдет мужа в самом скором времени, то вряд ли сумеет отыскать кого-нибудь другого.

– Я посмотрю, что смогу сделать.

– Благодарю вас, – с заметным облегчением сказал лорд Хилфорд. – Но с этим нужно поспешить. Я собирался писать вам сегодня, но теперь могу сказать лично: сроки изменились. Вы с Уикером можете быть готовы к отъезду через две недели?

Держи я в тот момент хоть что-нибудь в руках – быть бы ему на полу.

– Через две недели?!

– Если нет, так и скажите. Но это может привести к новой задержке. В министерстве иностранных дел грядут перемены, и тот парень, что примет должность, не слишком-то одобряет путешествия в Нсебу, особенно когда в тех местах неспокойно.

– Непокойно? – переспросила я, вспомнив о словах матери.

– Ах да, эти новости еще не попали в газеты, – спохватился лорд Хилфорд. – Я узнал об этом от своего человека в министерстве. Отряд королевских инженерных войск попал в засаду во время землемерных съемок на южном берегу Гираны – то есть на территории, считавшейся полностью подконтрольной нам и безопасной. Похоже, эреммо настолько смирились с властью иквунде, что иквундийский инкосо снова начал поглядывать в сторону соседних земель. И это вызвало нешуточную тревогу в определенных кругах.

И было, отчего встревожиться – учитывая военные успехи, которым в Иквунде радовались вот уже пятьдесят лет, при одном воинственном инкосо за другим. Однако я верила в наших солдат – тем более что речная область между Байембе и Эреммо находилась на противоположной от Нсебу границе страны.

– Несчастье за несчастьем, – вздохнула я. – Я начинаю думать, что наша экспедиция не состоится никогда.

– Она состоится, миссис Кэмхерст, если только поторопиться. Иначе придется уламывать еще и этого нового парня.

Уламывая прежнего, мы уже потратили не один месяц. Прикинув состояние дел, я едва сумела подавить совершенно не подобающее леди желание выругаться. Я очень рассчитывала на то, что в этом путешествии меня будет сопровождать Натали. Что хуже: путешествовать одной – да еще ни более ни менее, как в обществе неженатого мужчины – или в срочном порядке подыскать другую компаньонку? Вернее сказать, не окажется ли последний выход хуже, чем возможные последствия первого?

Как бы то ни было, я не позволила этому обстоятельству повлиять на мой ответ.

– Да, я могу быть готова. Но мистера Уикера вам придется спросить самому.

– Что скажет Том, я и без того знаю, – эрл уперся в подлокотники и тяжело поднялся с кресла. – Значит, через две недели. Уверен, вам нужно подготовиться. А я тем временем займусь вопросом вторжения к Кемблу.

Глава третья

*Крылья Натали – О достоинствах замужества – Слово сдержано –
Леди за ужином – Лорд Кэнлан*

– Вас ожидает мисс Оскотт, – сообщил лакей, когда я вернулась домой. – Полагаю, она – в вашем кабинете, мэм.

Натали... Я предпочла бы отложить выполнение обещания, данного лорду Хиллфорду, но если до отъезда осталось лишь две недели, другого времени просто могло не найтись.

– Благодарю вас, – рассеянно ответила я и отправилась наверх.

Мой кабинет некогда был кабинетом мужа. Слуги называли эту комнату просто «кабинетом» добрых два года после его гибели: она была не из тех, на какие обычно претендуют женщины. Но мало-помалу они заговорили иначе: «ваш кабинет». Несомненно, благодаря тому, сколько времени я проводила в нем – зачастую в обществе Натали Оскотт.

В самом деле, она была здесь – прикрепляла кнопками лист бумаги к пробковой доске, повешенной нами на стену специально для этой цели.

– О небо, Натали, – сказала я, увидев начерченную на бумаге фигуру. – Опять оно?

– Я улучшила конструкцию, – ответила она, сверкнув улыбкой из-за плеча. – По совету одного энтузиаста из Лоппертона. Он думает, я – парень по имени Натаниэль: если постараться, мне очень хорошо удастся мальчишеский почерк. Пригодилось для подделки тетрадей братьев, когда они не желали писать упражнения, заданные домашним учителем. Ну, что скажешь?

На листе красовался большой чертеж, подобные коему я видела уже не раз. Через весь лист тянулось крыло, окруженное аккуратно проставленными размерами и примечаниями, которых я не могла прочесть оттуда, где остановилась. Но одно отличие от прежних чертежей было очевидно даже издали.

– Крылья будут изогнуты? – спросила я, не в силах сдержать любопытство.

– Да, он полагает, изгиб лучше прямой линии. И еще он предложил изменения подвесных ремней, которые намерен опробовать сам, как только конструкция будет готова.

Я, говоря откровенно, считала, что оба они сошли с ума. Да, как я уже упоминала в предыдущем томе мемуаров, драконьи крылья увлекли меня еще в детстве, и мысль о том, чтобы присоединиться к драконам в воздухе, выглядела очень заманчиво. Но силы грудных мышц человека недостаточно, чтобы летать при помощи искусственных крыльев, и об этом Натали следовало подумать прежде всего. В лучшем случае человек мог бы планировать, да и на этот счет у меня имелись сомнения.

Но для Натали это обстоятельство только сделало задачу еще интереснее. Для нее все это было интеллектуальной головоломкой: возможно ли сконструировать такую штуку? В поисках решения она освоила математику до таких глубин, в которых я не понимала ни аза. Кроме этого, она вступила в переписку с другими энтузиастами, поскольку была не единственной интересующейся этим вопросом.

Сама Натали еще не пыталась строить и испытывать свои конструкции, чему я была очень рада. Хоть муж и называл меня «королевой ненормальной практичности» за воплощение в практику таких идей, какие никому другому и в голову бы не пришли, даже у меня есть свои пределы. Пусть эти пределы, как еще покажет данное повествование, значительно шире, чем я утверждала (ничуть не кривя при этом душой), но, чтобы узнать об этом, их нужно было преодолеть. Что я неизменно и делаю в обстоятельствах, в коих движение вперед – единственный резонный образ действия, и «ненормальность» моей практичности становится для меня очевидной лишь впоследствии.

Кроме этого, в успехе безрассудных затей других я была уверена куда меньше и вовсе не хотела потерять ближайшую подругу из-за перелома шеи. После гибели Джейкоба Натали, как никто другой, помогла мне найти утешение, и при мысли о том, что ее нельзя будет взять с собой в Нсебу, на душе стало еще тяжелее.

Натали заметила мое беспокойство, но насчет его причины ошиблась.

– Обещаю, Изабелла, я не собираюсь отдавать собственные кости на милость законов физики. По крайней мере, до тех пор, пока мистер Гарселл не проведет достаточно испытаний и не сможет с уверенностью сказать, что конструкция удачна.

– Дело не в этом, – вздохнула я, направляясь к своему столу (некогда – столу Джейкоба) перед широкими окнами, выходящими в садик на заднем дворе.

Стол был завален книгами и отдельными страницами, а над ними стоял на страже мой искровичок Изумрудик: здесь горничной запрещалось касаться чего бы то ни было, включая пыль. Карты Эриги, записки путешественников, наброски статьи, которую я собиралась, с разрешения и при содействии лорда Хилфорда, опубликовать под его именем, поскольку Коллоквиум ни за что не принял бы к публикации работу женщины...

Возможно, именно из-за воспоминаний о требованиях Коллоквиума мой голос прозвучал горше, чем хотелось бы:

– Сегодня я говорила с твоим дедом. О твоих домашних.

– О-о...

Казалось, этот звук открыл клапан, сквозь который из Натали разом улетучилась вся живость.

Я опустилась в знакомое, привычное кожаное кресло.

– Похоже, ты все знаешь. Они не хотят, чтобы ты ехала в Эригу.

– Они хотят, чтобы я осталась здесь и занялась поисками мужа. Да.

Натали отвернулась и прошлась по кабинету. То, что эта мысль не вызывает в ней никакого энтузиазма, можно было понять, даже не видя ее лица.

– Натали, в конце концов, все это не обязательно так уж плохо. Дед на твоей стороне, а семья, судя по твоим рассказам, относится к твоим интересам хоть с каким-то пониманием. Мой отец приглашал сваху, чтобы получить список неженатых мужчин, которые согласились бы делить со мной свои библиотеки. Уверена, ты можешь пойти еще дальше и отыскать мужа, который поддержит тебя в работе.

– Возможно.

Судя по тону, это ее ничуть не переубедило. Однако, прежде чем мне удалось подыскать слова, чтобы развить свой аргумент, Натали продолжала:

– Я понимаю: положение безвыходное. Так или иначе, мне придется от кого-то зависеть. Если не от мужа, то от кого-то из братьев, или... – она оборвала фразу, не закончив. – Этого я не могу просить даже у них. А уж тем более – у человека совсем постороннего.

Однако от меня не укрылось ее «или». Она явно собиралась назвать какую-то третью возможность, но заставила себя замолчать. И спрашивать об этом прямо, пожалуй, не стоило.

– Но разве тебе не хочется выйти замуж? – спросила я. – При условии, что ты найдешь хорошего мужа.

Мисс Натали Оскотт

Натали замерла без движения – видимо, обдумывая мои слова. Затем она повернулась ко мне лицом и сказала – так, точно до сего момента сама не знала правдивого ответа:

– Нет. Не хочется.

– Не ради благополучия, – уточнила я. В те времена движение «Независимой Добродетели» еще не сформировалось, но его главный аргумент уже пересказывали друг другу негромким, едва ли не возмущенным шепотом: если женщина меняет свои брачные предпочтения на материальные блага, не превращает ли это брак в своего рода проституцию? – Ради дружеского общения, любви или...

Настала моя очередь оборвать фразу на полуслове, устыдившись ее окончания.

Щеки Натали залились краской, однако она ответила:

– Нет. Ни ради того, ни ради другого. Конечно, я была бы рада мужской дружбе, но роды опасны, а материнство отнимет у меня слишком много времени, а интереса к этому... так сказать, занятию ради него самого у меня нет. И что остается?

Правду сказать, оставалось немного. Разве что избавление от воркотни домашних, но ей можно было положить конец разными способами.

Возможно, с моей стороны было бы разумнее подождать, пока я не оценю состояние своих финансов, но через две недели мне предстоял отъезд в Нсебу, и впустую тратить время – свое и Натали – на лишние приготовления совсем не хотелось.

– Если уж ты непременно должна от кого-то зависеть, – сказала я, – и если твои убеждения это позволят, давай этим кем-то буду я. Вдовы часто берут в дом компаньенок, а ты и так практически была моей компаньонкой в последние несколько лет. А еще – дорогой мне подругой. Отчего бы не оформить все это официально?

Задержка в ее дыхании подсказывала, что я угодила в цель. Однако Натали запротестовала:

– Нет, Изабелла, я так не могу. Если я не выйду замуж, то на всю жизнь превращусь в обузу. А что, если ты передумаешь – через два года, через десять, через двадцать? К тому же это может отравить нашу дружбу, а мне бы совсем этого не хотелось.

Я беспечно рассмеялась, пытаюсь унять отчаяние в ее глазах.

– Обуза на всю жизнь? Чушь. Оставайся со мной, а я уж обеспечу тебе жизнь независимой и эксцентричной старой девы, поддержанную, если захочешь, твоими познаниями и пером. Другие дамы делали это и до нас.

Правда, немногие. А в тех областях, к которым влекло Натали, преуспели и вовсе единицы. Для дам было куда приличнее изучение истории, чем безумные изобретения вроде искусственных крыльев. Однако я твердо решила прожить жизнь, как того требуют мои склонности, и вдобавок добивалась этого с таким рвением, что общество не смогло мне в этом отказать, и потому проповедовать Натали женскую покорность с моей стороны было бы высшей степенью лицемерия. И все трудности, и цена такой жизни были ей известны: она ведь видела, как живу я.

Судя по огоньку, разгоравшемуся в ее глазах, трудности были невелики, а о цене не стоило и говорить. На словах она продолжала возражать, но только из-за своей приверженности к логике.

– Боюсь, моих домашних придется убеждать. И убеждений потребуется столько...

– Тогда у тебя два выхода, – сказала я, поднимаясь из-за стола. Свет, падавший из окон за моей спиной в это время дня, должен был окружить меня сияющим ореолом, и я не погнушалась использовать это ради пушшего драматического эффекта. – Можешь остаться в Ширландии и заняться их убеждением, а я буду рада видеть тебя рядом, когда с этим будет покончено. А можешь оповестить домашних о своих намерениях, отправиться в Нсебу со мной, через две недели, и пусть они сами разбираются в собственных мыслях и чувствах.

– Через две недели? – голос Натали разом ослаб. – Ты уезжаешь через... о, но ведь...

Я молча ждала. Мои слова были совершенно искренни: я была бы рада ее компании и в том случае, если бы она предпочла присоединиться ко мне позже, или вовсе решила дожидаться меня в Ширландии. К тому же, навязывать ей свои предпочтения было бы просто нечестно.

Кроме этого, я знала Натали так хорошо, что без труда могла предугадать ее ответ. Плечи Натали расправились, подбородок поднялся.

– Я обещала поехать с тобой в Эригу, – сказала она. – Леди должна держать слово. Семью я поставлю в известность немедленно.

* * *

Никогда прежде мне не пришло бы в голову счесть Максвелла Оскотта, эрла Хилфордского, садистом. Однако метод, к которому он прибег, чтобы вывести вора на чистую воду, вынудил меня пересмотреть мнение по данному вопросу – и сделать выводы, для эрла отнюдь не лестные.

По словам мистера Уикера, симпозиум, среди участников которого были и наши главные подозреваемые, должен был завершиться на этой неделе. Осмотр лаборатории мистера Кембла полицией результатов не дал, и лорд Хилфорд прибег к более прямолинейному методу выявления виновника: пригласил всех на званый ужин, чтобы посмотреть, не дрогнет ли кто.

С этой целью он за исчезающе краткий срок успел арендовать верхний зал Йейтс-отеля и позаботился о присутствии всех подозреваемых. Поводом для ужина стало то, что Коллоквиум, устраивавший прощальный банкет в честь окончания симпозиума следующим вечером, не допускал в свои священные стены дам, а эрл был твердо убежден, что съехавшимся ученым джентльменам следует встретиться с образованными и достойными дамами, особенно – хоть этого факта он и не афишировал – с недавно овдовевшей миссис Кэмхерст.

Для пользы дела я согласилась вытерпеть решение лорда Хилфорда выставить меня на всеобщее обозрение, но моя готовность помочь оказалась лишь личиной – на самом деле я была ни жива ни мертва. В то время единственной монографией, опубликованной мною под собственным именем, была «Путешествие в горы Выштраны» – работа не совсем научная. На авторство работы «Относительно выштранских горных змеев» я не претендовала, скрывшись за краткой припиской «и других», следовавшей после имени Джейкоба. Несколько моих статей об исследовании искровичков для научных журналов не подошли. Мало этого: я вела жизнь завзятой затворницы на протяжении трех лет. От перспективы оказаться на званом ужине среди толпы незнакомых ученых мне сделалось так худо, что я едва могла есть.

Но дрожь в коленях мигом прошла, и решимость вернулась, стоило только вспомнить об истреблении, грозящем драконам, если секрет сохранения драконьей кости будет предан огласке.

В тот вечер верхний зал у Йейтса сверкал от пламени свечей, свет которых отражался от полированной меди настенных канделябров, хрусталя люстр и бокалов и серебра столовых приборов, лежавших на столе идеально ровными рядами. Мужское общество было пестрым: жители Северной Антиопы в черно-белых костюмах, южноантиопейцы в кафтанах до икр, йеланцы в вышитых шелковых халатах, видвати в чалмах, украшенных спереди драгоценными камнями...

Состав гостей не отличался разнообразием – не из тех, что одобрила бы миссис Гэтерти: джентльмены превышали нас, дам, числом более чем втрое. Но, учитывая спешку, работа лорда Хилфорда, взявшего на себя приглашение гостей женского пола, чтобы мы с Натали не оказались единственными дамами за столом, была достойна всяческого восхищения. Присутствовали здесь и известный орнитолог Мириам Фарнсвуд, и математик Ребекка Норман, и другие, чьи имена, к сожалению, мало что скажут современной аудитории, поскольку их труды ныне забыты.

Нацепив на лицо улыбку, я взяла лорда Хилфорда под руку и двинулась в наступление – смотреть, кто из собравшихся дрогнет.

Одному за другим, он представил меня тем, кого мы сочли вероятными преступниками. Никанор де Андрокас-и-Реон («этот крысомордый мараньонец», чья неудачная форма носа действительно делала его похожим в профиль на грызуна), Бхелу Гуаталакар, Цон Гунь-ван, Фома Иванович Озерин... Все это время нас сопровождал и мистер Уикер. Конечно, ни один из нас не ожидал, что кто-либо из собеседников вломился в лабораторию Кембла лично – это,

несомненно, было делом рук некоего наемного грабителя, но к тому времени вор наверняка должен был успеть просмотреть записи Кембла. Мы с мистером Уикером упоминались в них так часто, что упустить связь наших имен с этой работой было просто невозможно.

Цон немедленно решил, что я не стою его внимания, и все свои речи неизменно обращал к лорду Хилфорду с мистером Уикером. Озерин, напротив, уделил мне куда больше внимания, чем мне хотелось бы, но совершенно не того свойства, и я постаралась распрощаться с ним как можно скорее. Де Андрохас-и-Реон действительно дрогнул, но такова была его реакция абсолютно на все вокруг (осмелюсь утверждать, что в такой толпе он чувствовал себя еще менее уютно, чем я).

Вне всякого сомнения, лучше всего вышло с видватийским химиком Гуаталакаром, хотя по крайней мере поначалу никакой пользы нашему расследованию это знакомство не принесло. Он был моложе других – лет тридцати, не более, и принадлежал к тем людям, каких я встречала в жизни бесчисленное множество раз и, признаться, предпочитаю всем прочим. Гуаталакар был увлечен своей работой настолько, что быстро забывал о банальных условностях вроде пола собеседника. Ему не было бы никакой заботы, окажись я хоть орангутаном – значение имели только проявленный мною интерес к химии да способность реагировать на его высказывания разумными вопросами (пусть даже не понимая ответов). Вызвать его на разговор не составило никакого труда; от энтузиазма его голос звучал громче и громче.

От меня потребовалось только одно: придать ходу его мысли желаемое направление.

– Драконья кость! Да! – сказал он. Видватийский акцент стал гораздо заметнее: его познания в ширландском не поспевали за мыслями. – Думаю, решение не за горами. Учитывая, сколько ученых работает над этой проблемой, и новое, современное оборудование... Ответ вскоре будет получен.

Только и всего. Ни малейших признаков какого-либо тайного знания, ни единого намека на то, что он знает больше, чем говорит. Продолжая беседу, я сосредоточилась на толпившихся вокруг гостей. Голос Гуаталакара звучал так громко, что вскоре всему залу стало известно, что мы с ним обсуждаем проблему сохранения драконьей кости.

– Решение этой проблемы будет потрясающим научным открытием. Но я, признаться, встревожена его возможными последствиями. Область моих интересов – естественная история, и я не могу не принимать близко к сердцу то, что может вдохновить людей на истребление драконов.

Снисходительное хмыканье слева возвестило о появлении Питера Гилмартина, маркиза Кэнланского, вице-президента Коллоквиума Натурфилософов.

– Но разве ваша экспедиция не истребляла драконов в Выштроне ради науки, миссис Кэмхерст? Насколько мне известно, зарисовки убитого животного – ваша собственная работа. Безусловно, было бы много лучше, если бы натуралисты получили возможность сохранять скелеты драконов для изучения вместо того, чтобы добывать новый экземпляр всякий раз, как возникнет новый вопрос.

Все это звучало вполне логично, однако его покровительственный тон пришелся мне не по вкусу. Только почтение к его положению в обществе вынудило меня смягчить рвавшийся с языка ответ.

– Меня тревожат не натуралисты, милорд, но те другие, кто не удовольствуется горсткой скелетов. Человечество не отличается скромностью и умеренностью.

– И все же подумайте о прогрессе, который может воспоследовать за этим открытием. Стоит ли ставить благополучие диких зверей превыше нашего собственного?

На это я могла бы, не сходя с места, ответить целой лекцией, но лорд Кэнлан не оставил мне шанса даже начать. Он повернулся к Гуаталакару и склонился в его сторону в дружеской, слегка заговорщической манере.

– Мне хотелось бы поговорить с вами завтра, в более академичном окружении. Ваша работа представляет для меня немалый интерес, и я полагаю, что могу оказаться в состоянии помочь вам в ней.

Дохни на меня в тот миг выштранский горный змей – даже тогда я не могла бы оцепенеть сильнее. Пока Гуаталакар отвечал, я не мигая смотрела на лорда Кэнлана, будто одной силой взгляда могла подтвердить или рассеять внезапно возникшие подозрения.

Возможности использовать результаты Кембла самому у маркиза не было: основной областью его научных интересов являлась астрономия. Но это не значило, что Кэнлан не может получить от них выгоду иными способами – например, продав дневники Кембла тому, кто даст большую цену.

Уж не почудилось ли мне? Уж не была ли его улыбка, обращенная ко мне, не просто снисходительно-учливой любезностью, а тайным, злорадным сообщением, что потерянное мной – в его руках, и он намерен извлечь из этого все возможные выгоды?

Имея титул маркиза, он превосходил положением в обществе даже лорда Хилфорда. Обвинять его здесь же, на месте, нечего было и думать, хотя шок едва не заставил меня забыть о благоразумии и высказать все свои подозрения ему в лицо. А ведь он не сказал ни слова, которое хотя бы для начала можно было интерпретировать как улику, не говоря уж о ее убедительности для всех остальных.

До самого конца ужина я кипела от злости, не имея возможности отойти в сторону с кем-нибудь из друзей и поделиться подозрениями с ними. Но после, пока лорд Хилфорд прощался с гостями, я поспешила оттащить мистера Уикера в угол и поведать ему обо всем.

– Тонковата зацепка, – сказал он, выслушав меня и хмуро взглянув через зал туда, где стоял лорд Кэнлан.

Его слова вовсе не воодушевляли, однако они все-таки прибавили мне мужества. Было время, когда Томас Уикер только фыркнул бы в ответ и отнес мои опасения на счет буйной фантазии. Сейчас же он всерьез задумался над ними, пусть даже его раздумья не привели к согласию.

– Да, мне неизвестно, откуда он мог узнать об исследованиях Кембла, – призналась я. – Но вам ведь уже доводилось встречаться с ним – стал бы он так щеголять передо мной своим удачным ходом?

Гримаса на лице мистера Уикера ответила яснее слов.

– Если дело касается проекта женщины и человека вроде меня... то да. Он просто обо- жает ставить нижестоящих на место.

И все же неприятный характер подозреваемого еще не мог служить неоспоримым доказательством вины.

– Вы будете завтра вечером на этом банкете?

Мистер Уикер крепко сжал губы и отрицательно покачал головой. Конечно, нет: может, принадлежность к мужскому полу и открывала ему двери во владения Коллоквиума, но на праздничном банкете сыну каменотеса из Нидди было не место.

– Значит, следить за ним придется лорду Хилфорду. Завтра лорд Кэнлан может предложить дневники Кембла на продажу или по крайней мере начать прощупывать потенциальных покупателей. Учитывая болтливость Гуаталакара, разговорить его будет нетрудно.

На скулах мистера Уикера заиграли желваки.

– Это вряд ли улучшит наши шансы остановить его. Не можем же мы просить лорда Хилфорда затевать скандал.

– Однако это все, что мы пока можем предпринять, – ответила я, умолчав о прочих мыслях – о том, что возможности сделать что-нибудь большее нам вполне может и не представиться.

Глава четвертая

*Прощание с Джейкобом – Мой деверь – Лорд Денбоу в горе – Бегство
Натали – Сцена в доках – Желания женщины*

В неприятном инциденте, случившемся перед отъездом из Ширландии, мне некого винить, кроме самой себя.

Ввиду скоропалительного отъезда мне предстояло позаботиться о нескольких дюжинах дел, от утешения родных до получения от лорда Хилфорда новостей с банкета в честь завершения симпозиума. (Он в самом деле расспросил Гуаталакара, но безуспешно: к немалому огорчению видватийского химика, лорд Кэнлан за весь вечер не обмолвился с ним ни словом.) И среди этих дел имелось одно, раздиравшее душу куда сильнее прочих.

После обеда, в день накануне моего отъезда, наша няня, миссис Ханстин, вывела из детской сына – ждять дядюшку с тетушкой, которые должны были позаботиться о нем в мое отсутствие. Джейкоб был одет в детское платьице, но его волосы, еще не потемневшие до темно-русого отцовского оттенка, были свободны от чепчика, зажатого в левой руке. Другой рукой он крепко уцепился за палец няни и не сводил взгляда со ступенек, по которым осторожно, шаг за шагом, спускался вниз.

Мать обвиняла меня в бессердечии, упрекая в том, что я бросаю ребенка, чтобы (ее слова) «болтаться по заграницам». Ее обвинение было лишь первым из многих, поскольку это суждение постепенно вышло за пределы нашего круга общения, достигло людей совершенно незнакомых и даже попало в газеты. Конечно, верить мне на слово ни у кого резонов нет, и оправдывать свои поступки задним числом совершенно ни к чему, но, поскольку я не могу продолжать, не коснувшись этой темы, позвольте сказать: при виде сына у меня защемило сердце.

В то время, как он рос и воспитывался, я не была близка к нему. Он не был той неотъемлемой частью моей жизни, какую составляют дети для более заботливых матерей. Научная работа приносила мне больше удовлетворения, чем ежедневные материнские хлопоты – кормление, мытье, утешение... Теперь, оглядываясь назад, я в глубине души сожалею, что все это прошло мимо меня, но и это сожаление – чисто интеллектуального свойства. Превращение ребенка из мягкого, бесформенного младенца во взрослого человека – процесс крайне сложный, и оценить его я смогла только благодаря изучению драконов. (Если вы вдруг сочтете это сопоставление унижительным, пожалуйста, постарайтесь понять: для меня это совсем не так. Ведь и мы, люди, – тоже животные, самые чудесные и восхитительные животные на свете.)

Однако, несмотря на эту отстраненность, я вовсе не была лишена чувств к своему сыну. Напротив, по большей части из-за них я и предпочла сохранять дистанцию. Серьезное выражение на лице Джейкоба, сосредоточившегося на нелегкой задаче спуска по лестнице, живо напомнило мне его тещу. Как говорили мне вновь и вновь, он был, в каком-то смысле, частицей мужа – тем, что оставил после себя Джейкоб-старший. Я же далеко не всегда была готова иметь дело с воспоминаниями об этом родстве и в глубине души предпочитала спасаться бегством.

Но сказать, будто на эриганскую экспедицию меня подвигло именно это, было бы совершенно несправедливо к себе самой: ведь я бежала не столько от чего-то, сколько к чему-то. Нас с Джейкобом объединяла общая любовь к драконам, и, если оставить ребенка, отправившись в экспедицию, было (как уверяли многие и многие) предательством его памяти, не меньшим предательством было бы остаться дома. Там, на горных вершинах Выштраны, мы согласились, что запереть меня в клетке жизни, приличествующей ширландке из благородной семьи, означало бы мою смерть – если не физическую, то духовную. Скорбь и долг вкупе со светскими условностями заперли меня в клетку на три года, и работа над монографией о нашей экспеди-

ции даровала мне лишь частичную свободу. Достаточную, чтобы желать большего, но совершенно недостаточную, чтобы ею удовлетвориться.

Однако я действительно уезжала, оставив дома сына. Ни в чем не повинный малыш, он потерял отца еще до рождения, и теперь я собиралась отправиться навстречу множеству потенциальных опасностей, которые вполне могли лишить его и матери.

Не могу сказать, как поступила бы, будь у меня шанс пересмотреть это решение. Теперь-то мне в точности известно, насколько велики были эти опасности, и каким немислимым чудом мне удалось избежать их. Но также я знаю и то, что ухитрилась выжить, а маленький Джейкоб, вопреки предсказаниям многих, не остался круглым сиротой.

Имела ли я право подвергать себя такому риску? На это могу ответить только то же самое, что ответила тогда: да, имела – точно такое же, как любой вдовец в том же положении. Вот только решения вдовцов отчего-то ставят под сомнение единицы, а решения вдов подвергает сомнению каждый.

Но в тот день я погребла все подобные мысли под грудой дел. (Почти все. Упомянутый выше приступ душевной боли был вполне реальным и отнюдь не единственным.) Когда маленький Джейкоб покончил с покорением лестницы, я опустилась коленями на холодный камень пола прихожей – так, что мои глаза оказались на том же уровне, что и его – и протянула к нему руки. Миссис Ханстин легонько подтолкнула его вперед, и он, поколебавшись, заковылял ко мне.

– Веди себя хорошо, – заговорила я, безуспешно пытаюсь принять тот тон, каким говорили с малышами другие. – Няня Ха поедет с тобой. Слушайся ее, как всегда, хоть оба вы и будете жить в другом доме. Я буду часто писать тебе, а она будет читать тебе мои письма и писать мне, как ты поживаешь. Ты и не заметишь, как я вернусь.

Джейкоб послушно кивнул, но вряд ли смог уразуметь всю суть моих слов. Мои отлучки на несколько дней были для него привычны, но то, что мне нужно уехать на многие месяцы, а то и на целый год, лежало вне пределов его понимания.

Снаружи донесся хруст гравия, а за ним последовал и звон колокольчика над дверью. Прибыл мой деверь Мэттью с женой Элизабет. Они вошли в прихожую, и я нежно подтолкнула Джейкоба к Бесс. Миссис Ханстин последовала за ним.

Взглянув на Джейкоба, Мэттью вздохнул и покачал головой.

– Понимаю, отговаривать вас от всего этого поздно. Но все же...

– Вы правы, – ответила я прежде, чем он успел закончить мысль. – Поздно. Мэттью, я глубоко благодарна вам за помощь, даже не сомневайтесь. Но я отправляюсь в Эригу.

Он шевельнул подбородком, на миг сделавшись похожим на бульдога, увидевшего перед собой нежеланного гостя.

– Никогда бы не подумал, что Джейкоб женится на такой строптивнице.

Мне очень хотелось ответить: «Значит, плохо вы его знали». Но, если уж быть честной, я сомневалась, что и сам Джейкоб мог бы предвидеть наш брак в те годы, когда мы еще не были знакомы. Вдобавок, ссориться с Мэттью было совершенно ни к чему, и я промолчала – просто поцеловала сына в лоб, еще раз наказала ему вести себя хорошо и помахала с крыльца вслед их экипажу.

Отъезжая, их экипаж разминулся с каретой, свернувшей к моему крыльцу. Герб, нарисованный на дверце, был мне знаком – белая голова оленя на синем поле принадлежала Хилфордам. Однако карета принадлежала не эрлу. Я, хмурясь, стояла в дверях и потому не имела возможности скрыться, когда дверца резко (едва ли не до того, как карета успела остановиться) распахнулась, выпустив наружу не на шутку разгневанного Льюиса Оскотта – барона Денбоу, старшего сына эрла Хилфордского.

– Где она? – требовательно спросил он, шагая ко мне по гравию дорожки. – Подайте ее сюда немедленно!

– Ее? – недоуменно, так как разум не поспевал за языком, переспросила я.

– Натали!!! – от его рева зазвенело в ушах. – Я терпеливо сносил ее отношения с вами: до сего дня от них не было вреда. Но это уже переходит все границы! Верните ее сию же минуту.

К этой минуте мой разум успел справиться только с вопросом, кто такая «она». Конечно, ради чего еще отцу Натали являться ко мне, если не ради дочери? Но больше я ничего не понимала. Натали я не видела уже несколько дней, и, если вспомнить об этом сегодня, сей факт должен был меня встревожить. В конце концов, отъезд в Эригу был назначен на завтра. Но я была слишком занята, чтобы подумать об этом, и полагала (когда вообще вспоминала о ней), что она, должно быть, у деда.

Теперь это неразумное предположение повлекло за собой весьма неприятные последствия.

– Милорд, – заговорила я, собравшись с мыслями, – я не могу вернуть вам того, чего у меня нет. Натали не у меня.

– Не лгите мне! Где ей еще быть, если не здесь?

Обвинение заставило расправить плечи и выпрямить спину.

– Быть может, у деда? Как я понимаю, она говорила с вами о своих намерениях.

Лорд Денбоу негодуяще фыркнул.

– Намерения! Чистое безумие, и вы это прекрасно понимаете. Положение компаньонки вполне допустимо и просто превосходно для женщины, которой не на что больше надеяться, но перспективы Натали куда лучше – пока она остается здесь, чтобы воспользоваться ими. Ведь вам не захочется, чтобы она оставалась с вами всю жизнь! Когда она надоест вам – или, когда вы погибнете, что вполне вероятно, – что станет с ней? Нет, миссис Кэмхерст, я не позволю вам разрушить будущее моей дочери ради вашей собственной выгоды!

Расправив плечи, он устремился вперед.

Я хлопнула ладонью о дверной косяк, преграждая ему путь.

– Прошу прощения, лорд Денбоу, – с ледяной учтивостью сказала я, – но я не помню, чтобы приглашала вас войти.

Внезапное бесцеремонное сопротивление не на шутку удивило его, но он не позволил удивлению сдержать свой язык.

– Миссис Кэмхерст, я пришел забрать свою дочь и сделаю это – с вашего позволения или без.

– Будь она здесь, я с радостью выступила бы посредником в переговорах между вами. Но, так как ее здесь нет, вам придется искать ее в другом месте. Бесчинства в своем доме я не потерплю, невзирая ни на что.

Нет, он не зашел так далеко, чтобы пытаться отодвинуть меня с дороги, хотя с легкостью мог бы сделать это. Ярость его на время поутихла, и он прибег к уговорам.

– Миссис Кэмхерст, прошу вас, будьте благоразумны. Вы решились подвергнуться опасности, несмотря на последствия для вашей семьи. Что ж, как знаете – у меня нет власти разумить вас. Но я вправе защитить дочь, и так и сделаю.

– Лорд Денбоу, – сказала я, сбавив тон в той же мере, что и он. – Я же сказала вам: ее здесь нет. Я не видела Натали уже несколько дней. Если я увижу ее до отъезда, то передам ей, что вы приезжали, и расскажу о ваших тревогах. Более ничего обещать не могу.

Лорд Денбоу разом обмяк, словно пробитая оболочка целигера².

– Я уверен: она вскоре явится сюда. Прошу вас, не позволяйте ли...

– Я передам ей, что вы приезжали, – твердо сказала я. Не попытайся он ворваться в мой дом, я отнеслась бы к нему более снисходительно, но сейчас мне хотелось, чтобы он ушел. – Если увижусь с ней.

---

² От *лат.* caelum («небо; воздух; атмосфера») + *гегō* («нести; держать»).

Этим ему и пришлось удовольствоваться. К тому времени за моим плечом встал лакей. Судя по выражению лица, ему очень не хотелось выдворять барона из наших стен силой, однако он был полон решимости сделать это в случае надобности. (Кломерс был превосходным слугой – лучшим из всех, кто служил мне впоследствии.) Наполовину разгневанный, наполовину удрученный, лорд Денбоу вернулся в карету и уехал восвояси.

Как только он оказался в достаточном удалении, я позволила обмякнуть и себе.

– Если он вернется, не впускать, – устало велела я Кломерсу и, заручившись его решительным согласием, отправилась наверх, в кабинет.

Там, за моим столом, сидела Натали.

При виде нее я едва не подавилась собственным языком. Пока одна половина мозга разбиралась в противоречивых побуждениях – ахнуть, взвизгнуть, потребовать объяснений, – другая половина отметила ряд некоторых деталей: открытое окно в боковой стене, выходящее прямо на роскошный (и превосходно приспособленный для лазания) дуб, испуг и ярость в глазах Натали и небольшой саквояж на полу у ее ног.

– Он меня запер, – сказала она таким тоном, будто до сих пор не могла в это поверить. – Мы спорили несколько дней напролет, и, когда я сказала, что поеду с тобой, что бы он ни говорил, они с мамá посадили меня под замок. Прости, что вынудила тебя лгать.

– Лжет только та, что лжет по умыслу, – сказала я, как будто в ту минуту подобные различия были важнее всех других забот.

Прерывистый вздох Натали показал мне, насколько она расстроена и подавлена, яснее всяких слов.

– Боюсь, я навлекла на тебя кучу неприятностей. Я пришла сюда, думая отправиться завтра с тобой, но если я сделаю это, папá будет вне себя.

Но, кроме этого, ей оставалось только одно – вернуться к родителям. И хотя они всей душой желали ей только лучшего, разлад меж ними и дочерью был так жесток, что побудил Натали вскарабкаться на дерево, влезть ко мне в окно, и – кто знает, что еще сделать до этого. Ее действия вернее всяких слов говорили, что о возвращении не может быть и речи.

От самого худшего ее мог бы уберечь дед, но наилучшей защитой был отъезд туда, где родители не смогли бы до нее дотянуться.

– Твоему отцу придется оставаться вне себя в Ширландии, – сказала я, пряча за сухим тоном минутную робость духа. – У него нет визы для поездки в Нсебу, и вряд ли он сумеет выхлопотать ее в скором времени.

Надежда придала ее осанке бодрости.

– Ты хочешь сказать...

– Корабль отходит завтра, – ответила я. – Нужно подумать, как провести тебя на борт.

* * *

Мы контрабандой провели Натали на борт по трапу для грузчиков, следить за которым ее отцу и в голову бы не пришло. Вдобавок, Натали была одета в рабочее платье (да-да, штаны и все прочее), с мешком картофеля на плече, и заметить ее у лорда Денбоу не было ни единого шанса.

Конечно, он явился в порт и поднял страшный шум, обвиняя меня перед собравшимися родственниками (Полом с Джудит, матью с отцом, моим любимым братом Эндрю, Мэттью и моим тестем, сэром Джозефом) в похищении Натали.

– Я не похищала ее, милорд, – ответила я, пряча нервозность за раздражением.

В расстроенных чувствах ему не пришло на ум прямо спросить, виделась ли я с его дочерью. В противном случае мне предстояло бы быстро решить, стоит ли врать, а после провести бессонную ночь в поисках ответа на этот вопрос.

Я, пусть и нехотя, сдержала слово и поговорила с Натали о его тревогах. Но этот разговор не сбил ни одну из нас с избранного пути. Единственным источником моих опасений было то, что я не имела возможности поговорить наедине с кое-какими людьми, а именно – с мистером Уикером и лордом Хилфордом. Первый из них отправлялся в экспедицию со мной, и потому ухо, не занятое яростными упреками лорда Денбоу, было переполнено причитаниями матери о том, что я, вдобавок к сумасбродному решению отправиться за границу, совершаю еще большее сумасбродство, отправляясь в путешествие без спутников женского пола. Брак обеспечил мне некую мистическую защиту от подозрений в нарушении приличий, не утраченную и во вдовстве, но тем не менее мать опасалась слухов. (Дабы отдать ей должное, нужно заметить, что эти опасения оказались совершенно справедливы. Но не будем забегать вперед.)

Думается, лорд Хилфорд догадывался, что происходит, хотя не могу сказать, знал ли он о моей активной помощи Натали. Однако я видела, как он сразу же по прибытии мистера Уикера отвел его в сторону и сказал ему нечто, обратившее лицо мистера Уикера в камень. После этого лорд Хилфорд принялся, как мог, отвлекать от меня сына. Вместе они отправились в мою каюту, чтобы лорд Денбоу смог утешиться тем, что Натали там нет, мне же оставалось только надеяться, что она сумела надежно спрятаться до тех пор, пока мы не отойдем подальше от берега.

Эндрю, к моей радости и облегчению, взялся отвлекать от меня мать и, когда пришло время, проводил меня на борт – точно так же, как в день отъезда в Выштрану.

– И где же ты ее спрятала? – спросил он, шагая рядом со мной по палубе.

Тяжелые шаги позади заставили меня обернуться. Нагнав нас, мистер Уикер пошел рядом со мной с другой стороны, справа, что тут же вызвало у меня ощущение, будто я поймана в ловушку. Но Эндрю улыбался так, словно все это было грандиозной потехой, а, судя по мрачно поджатым губам мистера Уикера, тот не удивился бы ничему.

– Она где-то здесь, – ответила я. – Где – честное слово, не знаю. Понимаете, она сама так решила, хоть я и поддерживаю ее в этом.

– Мисс Оскотт еще сумасброднее, чем вы, – сказал на это мистер Уикер.

– Значит, она в хорошей компании, – беспечно сказала я.

Я понимала, что дело на этом не кончено, однако мистер Уикер ни за что не пошел бы против лорда Хилфорда, явно желавшего, чтоб его внучке позволили сбежать. Он был слишком предан эрлу и очень многим ему обязан. Все его возражения – о, великое множество возражений! – последовали позже.

Кораблем нашим был «Прогресс» – прославленный пароход, многие годы служивший главным связующим звеном в ширландско-эриганской торговле. Построенный из эриганской стали, приводимый в движение ширландским углем, он представлял собою символ партнерства, торжественно начатого с основания колонии в Нсебу – по крайней мере, по нашу сторону океана эти взаимоотношения считались партнерством, хотя в истинном положении дел было куда меньше равенства, чем обычно подразумевает это слово. Большая часть судна была занята грузами: некоторые из них по пути предстояло разбросать по разным портам, будто семена, другими же – торговать в Нсебу, пока трюмы в очередной раз не наполнятся железом, золотом, слоновой костью и тому подобным. Однако «Прогресс» был украшением этого морского пути, и потому на нем имелись также и пассажирские каюты, снабженные всеми удобствами, необходимыми для высокопоставленных путешественников. Нас троих вряд ли можно было отнести к высокопоставленным лицам, но лорд Хилфорд – лицо, несомненно, высокопоставленное – обеспечил нам путешествие с комфортом.

Мы встретили его выходящим из моей каюты в сопровождении лорда Денбоу. Вернее, если лорд Хилфорд действительно вышел из нее, то его сын вылетел в коридор, как пробка, приперев меня к стенке.

– Довольно этих игр, миссис Кэмхерст! Вы сейчас же скажете, где моя дочь, или...

Брат тут же шагнул вперед, защищая меня. К счастью, прежде, чем я успела выяснить, что он намерен предпринять, в дело вмешался лорд Хилфорд.

– Льюис! Возьми себя в руки. Уж не хочешь ли ты, чтобы матросы выставили тебя с корабля силой? Ты устраиваешь сцену.

Славься вовеки «сцена», кость в горле высшего света! Одного призрака публичного скандала оказалось достаточно, чтобы привести лорда Денбоу в чувство. Конечно, этого было мало, чтоб успокоить его, но, стоило его порыву угаснуть, и барон вспомнил, что отплытие корабля предотвратить не может. Попытка же задержать меня означала бы для него множество самых разных последствий. Он замер, не зная, что делать. Лорд Хилфорд твердо подхватил сына под локоть и повлек его прочь, почти не встречая сопротивления.

Однако барон не удержался от прощального обвинения, брошенного через плечо:

– Вы ведь погубите ее жизнь!

– До сих пор я не погубила своей жизни, лорд Денбоу, – сказала я ему вслед. – Доверьтесь дочери, не мешайте ей искать собственный путь.

* * *

Натали появилась не раньше, чем мы покинули сенсмутскую гавань. Как только она приняла пристойный вид, я пригласила в каюту мистера Уикера.

Увидев ее, он только покачал головой.

– Мне бы спросить, понимаете ли вы хоть немного, что натворили. Но вы – внучка эрла и, несомненно, унаследовали хоть часть его интеллекта. Поэтому спрошу об одном: во имя господ бога, зачем?!

– Потому что так было нужно, – ответила Натали.

Я понимала, что это значит, но мистер Уикер – явно нет. Однако нам нужно было достичь хоть какого-то взаимопонимания, иначе экспедиция была бы обречена еще до прибытия в Нсебу.

– Мистер Уикер! Уверена, вы сами пережили немало трудностей, получая образование и вынуждая тех, кто выше вас положением, принять вас как равного по интеллекту. Зачем вам это было нужно?

– Это такой удар по ее родным, – сказал он, оставив мой вопрос без внимания.

– А ваш отъезд из Нидди ради учебы в университете никак не сказался на вашей семье?

Конечно, это было лишь догадкой, но вовсе не безосновательной: я знала, что мистер Уикер был старшим сыном в семье. Его вздох ясно показал, что мое замечание угодило в цель. С запозданием – к сожалению, обычным – я задалась вопросом: уж не относится ли он к этому вопросу так болезненно именно из-за собственного опыта, а не вопреки ему?

– Когда вы отправились в Выштрану, – сказал он, будто ища моей поддержки, – вы ведь ехали туда вместе с Джейкобом, с его благословения.

– А желания женщин следует принимать во внимание только с благословения родственников-мужчин? – резко спросила я. – Если так, вспомните, что Натали получила благословение лорда Хилфорда, и покончим с этим.

Мистер Уикер покраснел и вскоре откланялся. То был далеко не последний из наших споров на эту тему, но мои слова засели в нем, точно заноза под кожей, и в свое время возымели эффект.

Часть вторая,
в которой мы прибываем в Эригу, где
достигаем успеха, вызываем скандал и
впутываемся в ряд различных конфликтов

Глава пятая

*Морские змеи – Порт Нсебу – Фадж Раванго – Полуголые мужчины –
Нсебу и Атуйем – Мы не опасны*

Даже при неуклонно надежном ходе парового судна путешествие в Нсебу оказалось долгим. Мы останавливались в различных портах по торговым делам, боролись с дурной погодой, а однажды дружно отказали сразу три котла, и «прогресс “Прогресса”» был остановлен, пока поломку не ликвидировали. Общим счетом мы провели в море месяц, и, дабы заглушить скуку (поскольку с планами исследований вскоре было покончено, а бесконечно играть в вист и не свихнуться при этом – не в человеческих силах), я начала наблюдать морскую жизнь.

Рыбы, киты, акулы, морские птицы... Последние представляли для меня наибольший интерес – ведь я не утратила детского пристрастия к крыльям. Но, несмотря на отсутствие таких, более всего меня привлек огромный морской змей, попавшийся нам навстречу однажды после обеда, ближе к концу плавания.

Мы входили в эриганские воды и пересекали широту, известную как Тропик Змеев, получившую свое название из-за множества морских змеев, обитающих в тех местах. Этот был единственным, которого нам посчастливилось разглядеть вблизи, и все пассажиры (а также половина команды) столпились у леера, чтобы взглянуть на него.

– Ученые до сих пор спорят, следует ли считать их драконами, – сказала я Натали, глядя на огромные кольца, поднимавшиеся над водой и вновь исчезающие в глубине. – Твой дед полагает, что пранийские морские змеи драконами не являются, но я в этом не уверена. По всему миру столько животных, схожих по своей природе с драконами, но одним не хватает крыльев, другим – передних конечностей, третьим – экстраординарного дуновения... Порой я думаю, что критерии сэра Ричарда Эджуорта могут оказаться ошибочными – или, скорее, слишком строгими.

– Еще один предмет для исследований, – засмеялась Натали. – Успокоишься ли ты когда-нибудь?

Я улыбнулась солнцу, придерживая одной рукой капор, чтобы он не улетел за борт, подхваченный крепким ветром.

– Надеюсь, что нет. Покой... это было бы так скучно!

* * *

Четыре дня спустя мы со всеми прочими пассажирами снова столпились вдоль леера: «Прогресс», волоча за собой шлейфы пара, миновал скалистый выступ Пойнт-Мириам и свернул в гавань Нсебу.

Поскольку география данного региона далее будет очень важна, следует воспользоваться случаем остановиться на ней подробнее. Земли Байембе лежат на северном берегу Мулинского залива – в основном, вдоль плоскогорья, расположенного выше уровня моря, но ниже северных

гор, отделяющих Байембе от Талу. Восточную и часть южной границы образует океан, остальная же часть южной границы в те времена представляла собой спорные территории между реками Гирама и Хемби и край обширной топкой низменности – Мулинских болот, впадавших в залив тысячами ручьев.

Мулин – порождение весьма необычного геологического казуса. В обычных обстоятельствах он был бы огромной речной дельтой, поскольку всего в нескольких сотнях километров в глубь материка воды Гирамы, Гаомомо и Хемби поворачивают к общей точке слияния, кульминации их долгого бега к морю. Но разлом в коренных породах в точке их слияния опускает лежащий далее район почти до уровня моря, и в результате все три реки, падая с высокой скалы, заливают земли внизу. Мало этого – восточные ветры, преобладающие в данных широтах, гонят в узкий канал геологического разлома большую часть атмосферной влаги и, таким образом, большую часть дождей. Образовавшееся в результате болото и есть непроходимые Мулинские джунгли, а попросту – Зеленый Ад.

Но пока что местом моего назначения был не он. Хотя я порой и поглядывала на изумрудную полосу, тянувшуюся вдоль западного берега залива, все мое внимание было устремлено на уютившийся у ее уголка город, над которым стоял на страже форт Пойнт-Мириам.

Ни словом, ни красками не передать, что встретило меня, когда мы вошли в порт: даже самая искусная живопись статична и предназначена только для глаза, а слова по природе своей линейны. Я могла бы рассказать вам об ударивших в нос запахах угольного дыма из труб других пароходов, устриц и рыбы, которыми и по сей день оживленно торгуют в местном порту, пряностей, яркость и резкость ароматов коих совершенно непропорциональна их количествам. Запахи смолы, немых тел и свежей тропической древесины, жирная вонь ланчей для докеров и изголодавшихся путешественников, жарившихся на множестве жаровен... Но я могу называть эти запахи лишь по одному, мне не передать их вам все разом, да еще одновременно со звуками, зрелищами – со всей той шумной суетой, которой приветствовала меня Эрига.

Благодаря своим сегодняшним знаниям, я могу верно назвать вам тех, кого восприняла в тот день лишь как ошеломительно пеструю толпу. Конечно же, в ней были ширландцы – купцы и солдаты, присланные защищать наши интересы в местной добыче железа. Были, несмотря на напряженность в отношениях с соперниками за влияние в Эриге, и другие антиопейцы: тьессинцы, чиаворцы и даже кучка бульских, чувствовавших себя крайне неудобно на местной жаре. Йеланцы с «поросычьими хвостиками» на затылках сновали вокруг своих кораблей, а ахиаты попадались на глаза не реже ширландцев.

Но взгляд мой немедля привлекли эригане: они были для меня внове и составляли основную часть толпы.

Они сами по себе демонстрировали сотню различных манер одеваться и украшать себя, сотню разнообразных физиогномических характеристик, отличавших представителей одних народов от других. Цвета их лиц варьировались от черного с просинью, будто тушь, до бронзы, красного дерева и темного янтаря. Острые подбородки и квадратные челюсти, высокие и низкие лбы, полные губы и широкие рты, скулы плоские и выдающиеся вперед, будто плечи лука... Волосы их были собраны в свободные хвосты и стянуты в тугие косы у самого скальпа, украшены бусами и лентами ткани; торчали над головами пышными шапками, упругими, как пружина, кудряшками и острыми гребнями, удерживаемыми стоймя при помощи белой или красной глины. Здесь были агвины, закутанные в одежды с головы до ног, и менке в одних набедренных повязках, сасоро в серебре и эрбенно в вышитых накидках, мебенье, увеби, сагао, габбориды в одеждах из длинных кусков ткани, особым образом сложенных и обернутых вокруг тела: тонкости их расцветки и манеры ношения многое могли бы сказать осведомленному взгляду, но совершенно ускользнули от меня в тот первый день. И, конечно же, здесь были бесчисленные йембе – основное население здешних земель.

Пойнт-Мириам

Еще в Ширландии я уделила время изучению языка йембе (по грамматическому справочнику – преотвратительное учебное пособие!), но это ничуть не помогло подготовиться к предстоящему повседневному общению. Глядя на доки, я впервые осознала, что привычная антиопейская жизнь позади: я – за океаном, в иной части света.

Судя по тому, что мистер Уикер подхватил меня под локоть, я покачулась.

– До высадки на берег придется еще подождать, – сказал он. – Не хотите ли пока пройти вниз? Солнце здесь не щадит тех, кто к нему не привык.

Еще не так давно он выразился бы: «вам следует спуститься вниз». Если не считать разногласий по поводу присутствия Натали, в наших отношениях действительно наблюдался немалый прогресс.

– Солнце меня не беспокоит, – рассеянно ответила я, копаясь в дорожной сумке в поисках блокнота. После отъезда из Ширландии я почти не рисовала, так как боковая и килевая качка корабля наносила серьезный ущерб моей способности провести точную линию, но упустить такую возможность зарисовать доки я просто не могла.

Я чувствовала, что ему хочется сказать, однако в конце концов он удержался – возможно, ради общей гармонии.

– Я позабочусь, чтобы за нашим багажом присмотрели, – сказал он, и с этим ушел.

Не успела я наметить рисунок даже в самых общих чертах, как позади раздался хлопок и на страницу упала тень.

– Натали! – раздраженно воскликнула я.

– Иначе ты обгоришь, – ответила она, как обычно, сама практичность. – Гранпапа предупреждал. И о солнце, и о тебе – о том, что ты наверняка пренебрежешь необходимыми предосторожностями.

– Да, солнце здесь палит немилосердно. Но то же самое было и в горах Выштраны, и это не причинило мне никакого вреда.

В Выштране я куда сильнее страдала от сохнувшей кожи, чем от солнечных ожогов.

Натали рассмеялась.

– Да, там ты все время мерзла. Поэтому постоянно старалась укрыться от ветра и большую часть времени проводила в доме. Но продолжай работать – тени от зонтика хватят для нас обеих.

Вот тут меня не нужно было уговаривать. Штрих за штрихом, линия за линией, под грифелем карандаша обретали форму люди в окружении штабелей ящиков, бухт каната, складов, лавок и маленьких лодок, покачивавшихся на волнах у нижней границы пейзажа. В последние несколько лет я много упражнялась в быстром рисунке; теперь мои работы не отличались тем же изяществом, что в юности, однако значительно улучшилась способность точно схватывать натуру в короткое время.

К возвращению мистера Уикера я зарисовала довольно, чтобы позднее без труда дополнить рисунок по памяти.

– Далеко ли до нашего отеля? – спросила я, убирая карандаш и закрывая блокнот. Несомненно, там, за доками, тоже было на что посмотреть, но я надеялась успеть сделать несколько портретов. Моряки со всего света – просто изумительное зрелище.

– На самом деле, – отвечал мистер Уикер, – наши планы, похоже, меняются. Видите парня вон там, в углу, под желтой маркизой? Невысокого, с золотым обручем поперек лба? Это гонец из дворца, присланный встретить нас по прибытии. Оба приглашает нас погостить у него.

Я изумленно заморгала, глядя на него.

– Во дворце? Не может быть.

– Похоже, так и есть, – сказал мистер Уикер. – И нас ожидают немедленно. Гонец привел лошадей и говорит, что нам нет надобности заботиться о багаже.

Несомненно, это был всего лишь жест гостеприимства, но мне, утомленной путешествием, он показался чем-то слегка зловещим.

– Как зовут этого гонца?

– Фадж Раванго, – неуверенно, будто ожидая, что язык запутается в непривычных созвучиях, ответил мистер Уикер. Он тоже изучал местный язык, но это имя было не йембийским.

Возможно, этот Фадж Раванго – иностранец или выходец из одного из иных народов, населяющих Байембе?

Я даже не сознавала, что мы с мистером Уикером погрузились в непродолжительное молчание, пока его не нарушила Натали.

– Что ж, – сказала она, – от такой чести отказываться нельзя.

– Да, конечно, – согласилась я, убирая блокнот и вешая сумку на плечо. – И медлить, я полагаю, ни к чему. Идемте знакомиться с этим Фаджем Раванго.

Мы спустились в корабельную шлюпку, нас отвезли к берегу и высадили на покрытые коркой засохшей соли доски причала невдалеке от места, где стоял Фадж Раванго. Он, как отметил мистер Уикер, был невысок по сравнению со своим окружением – даже чуть ниже ростом, чем я. Кожа его, хоть и смуглая, была заметно светлее, чем у большинства стоявших рядом, и вдобавок отличалась своеобразным красноватым оттенком.

За неимением иных возможностей, я приветствовала его на йембийский манер, коснувшись ладонью сердца, и он ответил мне тем же. То же самое сделали и Натали с мистером Уикером. Но, как только с официальными приветствиями было покончено (надо сказать, в тех землях эта процедура куда более продолжительна, чем в Ширландии), Фадж Раванго заговорил на нашем языке.

– Оба сожалеет, что вынужден просить вас продолжить путешествие, но в Атуйеме, в королевском дворце, вас ожидает отдых со всем возможным комфортом.

– Это весьма любезно с его стороны, – сказал мистер Уикер. – Для нас забронированы комнаты в отеле неподалеку от Пойнт-Мириам. Мы надеялись, что будем представлены ему в один из последующих дней, но и не думали рассчитывать на его внимание и гостеприимство сразу же по прибытии.

Фадж Раванго ответил на это учтивым взмахом руки.

– Это вовсе не в тягость. Оба видел много ширландских купцов и солдат, но ученых – еще никогда. Он очень интересуется вашей работой.

В последний раз, когда нашей работой интересовался титулованный иноземец, это ничем хорошим не кончилось. Именно это обстоятельство, а вовсе не слова гонца, заронили в мое сердце дурные предчувствия. Но что нам оставалось делать? Натали была права: отказаться от приглашения мы не могли. Я мысленно прокляла политические ухищрения, предшествовавшие нашей экспедиции. Да, они были необходимы, чтобы получить разрешение на въезд в Нсебу, но, очевидно, привлекли внимание оба куда больше, чем мне бы того хотелось.

Наши лошади ждали невдалеке, под полосатым навесом, среди многих других – должно быть, это место было чем-то наподобие лошадиного зала ожидания. Но наши выделялись из общей толпы – не только отменными статями, но и роскошью упряжи, украшенной бусами и позолотой. Все это богатство охраняли четыре солдата, явно представлявших собою наш эскорт.

Я называю их солдатами, но в тот момент вряд ли смогла бы применить к ним этот термин, несмотря на ширландские винтовки на плечах. Для меня солдат был человеком в мундире. Этих людей я назвала бы скорее воинами, поскольку их одеяниями, совершенно не похожими на привычные мне мундиры из грубой одноцветной шерсти, были повязанные вокруг пояса широкие полосы хлопчатой ткани с замысловатым орнаментом и шкуры леопардов, свисавшие со спин, как плащи. Конечно, шерсть – плохая защита от винтовочной пули или кавалерийской сабли, но подобные соображения не спасали от страха за их нагие, ничем не защищенные тела.

Готовясь сесть в седло, я увидела, как вспыхнули щеки Натали. До этой минуты я если и замечала, что они наполовину наги, то разве что умом. К несчастью, после этого я ни о чем другом и думать не могла. Мои щеки тоже запылали огнем, я оступилась, садясь в седло, и носок моего ботинка зацепился за край юбки-брюк. (Правда, смущение мое несколько отступило при виде того, как порозовели уши мистера Уикера, по всей вероятности, смущенного

тем, что подобное зрелище предстало перед взглядами леди – ведь джентльмены видят друг друга обнаженными во многих ситуациях. Конечно, все мы понимали неизбежность этого, учитывая местный климат, но понимать и испытать на опыте – вовсе не одно и то же.)

По пути из доков к границам Нсебу я, дабы скрыть утрату самообладания, принялась спрашивать Фаджа Раванго. Вернее, таково было мое намерение: вскоре беседа превратилась в вежливые препирательства, так как оба мы настаивали на использовании языка собеседника. В результате он говорил со мной по-ширландски, а я отвечала на йембе. Языки никогда не были моим ремеслом, посему его навыки, боюсь, намного превосходили мои, но, как показал выштранский опыт, самое надежное средство улучшить знание языка есть регулярная практика. Поэтому я упорно настаивала на своем, пока Фадж Раванго не склонился перед лицом моего упрямства и не начал отвечать мне на йембе.

После этого мы обсудили ряд разных тем, варьирувавшихся так широко, как только позволял мой ограниченный словарный запас и указания, полученные Фаджем Раванго от его царственного хозяина. Первое явилось куда большим препятствием, чем второе, но вскоре я обнаружила (благодаря обычному своему любопытству и недостатку благоразумия), что политический климат Байембе – тема неподходящая. Нет, этот человек не стал отчитывать меня за неуместный вопрос, но выказал явное нежелание говорить ни о движении войск Иквунде, так напугавшем нового человека в министерстве иностранных дел, ни об экспансионистских амбициях их правителя, инкосо, в целом. Не стал он говорить и о Талу, северном «союзе», а на деле – империи, ассимилировавшей соседей одного за другим. Очевидно, обсуждать вопросы политики с приезжими из Ширландии, пусть даже цель их приезда далека от политики, таким, как он, было не по чину.

(Да, я искренне полагала, что мое пребывание в этой стране никак не будет касаться политики. Что ж, посмейтесь вдоволь и продолжайте читать.)

Вместо этого мы завели разговор о людях, попадавших навстречу: Фадж Раванго преподал мне первый урок распознавания местных народностей, и эти сведения впоследствии оказались как минимум не менее ценными, чем могли бы стать его политические соображения. Конечно, из-за смешанных браков физические различия часто бывают нечетки, однако и в этих случаях сохраняется достаточно черт, на которые вполне можно полагаться. К тому же и традиционное платье, и украшения каждого народа также могут варьироваться. Однако нигде вокруг я не видела никого, похожего на самого Фаджа Раванго, и вопрос об этом он оставил без ответа. Подозрения, что он рожден за границей, усилились, но развивать эту тему я не стала.

Таким образом мы выехали из укрепленных ворот Нсебу и двинулись по зеленому лугу.

В наши дни оба эти города слились в один, но в то время Нсебу и Атуьем были еще отделены друг от друга. Первый был небольшим портовым районом и начал разрастаться в нечто большее всего пятьдесят лет назад. Развитие торговли подхлестнуло его рост, затем союз Ширландии и Байембе был ознаменован постройкой форта Пойнт-Мириам, а вскоре за ним последовало и основание колонии. К нашему приезду Нсебу представлял собой диковинное гибридное поселение, тянувшееся через свободные земли к более аристократическим кварталам Атуьема.

Эти кварталы располагались куда выше Нсебу и в физическом, и в социальном смысле – на плоскогорье, где можно наслаждаться прохладой ветров, но и достаточно близко к порту, чтобы пользоваться всеми торговыми выгодами – потому-то Бунди н’Маво Нсори, оба, правивший Байембе около века назад, и перенес сюда свою главную резиденцию. Атуьем делился на нижний город и верхний город, угнездившийся на плоской вершине скалистого холма, откуда открывался прекрасный обзор на окрестные земли. Крепостные стены резиденции оба возвышались над холмом, будто корона, венчавшая его каменную главу, и сверкали золотом в лучах слепопуденного солнца.

Большая часть этого золота была всего лишь метафорой, иллюзией, созданной цветом глины, использованной при постройке стен, и палящим солнечным светом. Однако высочайшая из башен дворца блеснула слишком ярко для простой глины. Нет, росказни, будто байембийский оба живет во дворце из чистого золота, далеки от истины, но по крайней мере одна башня действительно была покрыта этим металлом.

Что и говорить, эта демонстрация богатства производила впечатление, хотя, возможно, оба и жалел о ней в то беспокойное время войн и корысти. Но внимание саталу, иквунде и ширландцев привлекало отнюдь не байембийское золото. Железо – вот добыча, которой стремились завладеть каждая из трех стран!

Королевскую крепость окружали дворцы и особняки высшей знати, патриархов древних родов, составлявших аристократию Байембе. С годами они разрослись, вытеснив с небольшой вершины холма всех остальных, изгнав простой народ в дома и лавки, сгрудившиеся у скалистого подножья холма. По пути через нижний город наш небольшой отряд привлек к себе множество внимания, поскольку наш эскорт явно состоял из королевских воинов, а Фадж Раванго имел немалый чин, да и к ширландцам здесь, в отличие от Нсебу, еще не привыкли настолько, чтобы не удостоить их и взгляда. Особенно много пересудов вызывали мы с Натали, будучи ширландскими леди, зрелищем совершенно непривычным в любой части Байембе.

Мне стало очень не по себе. Чувствовать себя представительницей своей расы и пола перед всем этим множеством людей оказалось бременем не из легких. Мое платье – дорожная одежда, по ширландским понятиям простая до уныния, созданная для совершенно иного климата в угоду совершенно иным нравам, – казалось здесь чрезмерно сложным и вычурным. Я прекрасно понимала, что лицо мое покраснелось, взмокло от пота и, скорее всего, обожжено солнцем, несмотря на защиту капора, и что вся я с головы до ног покрыта дорожной пылью. Что и говорить, я выглядела весьма и весьма жалкой представительницей своего народа.

Следуя по главной дороге, мы обогнули подножье холма и вскоре остановились у ворот, построенных в обычной для этих земель манере: глинобитные стены, украшенные яркой плиткой и подпираемые через равные промежутки деревянными стойками, служившими, как я понимаю, опорами и помогавшими забираться наверх, когда облицовка нуждалась в ремонте. Здесь Фадж Раванго о чем-то быстро и неразборчиво переговорил со стражей, тем самым показав, насколько четче и медленнее обычного старался говорить ради меня. После этих переговоров мы снова двинулись вперед и начали подниматься на холм по самому пологому из его склонов.

Здесь Атуйем сделался совершенно иным. Шумные толпы, сквозь которые мы проезжали у подножия холма, сменились безликими стенами, ограждавшими особняки знати. Значение орнаментов из плитки, украшавших эти стены, лежало далеко за пределами моего понимания. У ворот стояли стражники. По мостовой в разные стороны сновали слуги – некоторые несли в занавешенных паланкинах хозяев. Порой за газовыми занавесями я могла разглядеть внутри темные тени, а иногда эти тени, протянув наружу унизанную золотом руку, сдвигали легкую ткань в сторону и откровенно разглядывали нас. Эти взгляды были не такими, как замеченные мной внизу: для знати верхнего города мы были не простыми диковинками, а новыми переменными в политическом уравнении их страны. Каким будет наше влияние – положительным или отрицательным, – еще предстояло выяснить.

Проехав сквозь громадные ворота крепости оба, мы скрылись от оценивающих взглядов, но это принесло с собой и облегчение, и новую тревогу. Мы спешили в парадном дворе и были встречены коленопреклоненными слугами с чашами чистой прохладной воды, чтобы ополоснуть руки и лица. Пока мы совершали омовение, наш эскорт стоял навтыжку, затем, козырнув, рысцей выбежал за ворота.

Солдат сменила пара, насколько я могла судить, слуг высшего ранга – мужчина и женщина.

– Для вас приготовлены комнаты, – сказал наш провожатый. – Эти двое покажут. Появление двух слуг, хотя можно было обойтись и одним, подсказало, чего следует ожидать.

– То есть, наши комнаты не рядом? – спросила я.

Фадж Раванго кивнул с бесстрашием, по коему можно было судить, что он ожидал этого вопроса, однако счел меня душой за то, что я задала его вслух.

– Во дворце короля мужчины и женщины не живут вместе.

Мне стало интересно, что бы они делали, будь Джейкоб жив и здесь, со мной. Позволяют ли супружеским парам жить рядом, или мужьям приходится всякий раз призывать жен к себе? Но этот вопрос был не из тех, ради которых я явилась сюда. Вместо этого я сказала:

– Мы намерены проводить большую часть времени вместе. Этого требует наша работа.

– Безусловно, – со всей возможной любезностью отвечал Фадж Раванго. – Во дворце есть общие комнаты и дворы.

Где за нами, конечно же, можно будет наблюдать, отыскивая в наших словах и поступках намеки на непристойное поведение. А я-то надеялась, что все это осталось в Ширландии...

Мы послушно позволили слугам увести себя – мистера Уикера в одну сторону, а нас с Натали в другую. Нашей новой провожатой была пожилая женщина с серо-стальной сединой в волосах, тут же напомнившей мне о ширландских интересах в этом регионе. Она провела нас сквозь целые соты из двориков и колоннад, затем мы, наконец, поднялись по лестнице и оказались в прохладной просторной комнате, отделанной голубой плиткой.

К этому времени усталый мозг уже отказывался иметь дело с чужим языком, но из слов нашей провожатой я сумела понять, что это и есть наша общая с Натали резиденция. По ширландским меркам мебели здесь почти не было: несколько мягких скамей и табуретов, которые можно сложить и убрать, когда в них нет надобности, сундуки для наших вещей, да кровать за газовыми занавесями, уберегавшими спящих от назойливых насекомых, но пропускавшими внутрь прохладный ночной бриз. После корабельной тесноты и тягот долгого плавания все это показалось мне уголком рая на земле.

Пока Натали распоряжалась приготовить ванну, я занялась исследованиями. Один ряд окон, прикрытых тонкими планками на шнурах, был обращен к западу и выходил во двор, судя по кипучей деятельности, отведенный под хозяйственные нужды. Очевидно, покои наши были не из лучших, несмотря на изящные голубые изразцы.

Окна противоположной стороны выходили в еще один из мириадом двориков, из которых состоял дворец. (В самом деле, я не слишком ошиблась, мысленно сравнив его с пчелиными сотами: открытых двориков во дворце было не меньше, чем залов и комнат, и практически все хоть сколько-нибудь существенное происходило в первых. В стране столь жаркой, как Байембе, свежий воздух – не просто удовольствие, но жизненная необходимость.)

Служанка ушла, и Натали со вздохом рухнула на кровать – падать на местные скамьи было бы вовсе не так удобно, как на диван или софу.

– Клянусь, я скажу это только раз, – заметила она, – но, господи милостивый, ну и жара!

(При всем уважении к Натали, которую я люблю как саму себя, это оказалось враньем. Если бы всякий раз, как она жаловалась на жару во время той экспедиции, я выпивала глоток джина, моя печень превратилась бы в фуа-гра.)

Поддавшись соблазну, я села на скамью и расшнуровала ботинки. Прохлада изразцовых плиток оказалась сущим благословением для босых ног.

– До сих пор не могу решить, к добру это все или к худу, – сказала я. – Зачем оба пригласил нас сюда? Чтобы предложить помощь? Или он намерен чинить нам препятствия?

– Зачем ему чинить нам препятствия? – рассудительно возразила Натали. – Не вижу, что он от этого может выиграть, а вот риск настроить против себя наших соотечественников – налицо.

– Зачем? Разногласия с нашими соотечественниками будут, в худшем случае, пустяковыми – сомневаюсь, что кого-нибудь из военных и промышленников так уж заботит судьба наших исследований, и потому оба сможет продемонстрировать, что не позволяет ширландцам помыкать собой, практически ничем не рискуя, – я яростно почесала кожу под пропыленными волосами. – Несомненно одно: он отменно ловко отделил нас от большинства земляков. Возможно, он полагает, что так мы менее опасны.

Взглянув на пыль, налипшую на влажные от пота пальцы, я поморщилась. Натали перевернулась набок и взглянула мне в глаза.

– Но мы ведь совсем не опасны, не так ли?

– Так, – согласилась я. – Не вижу, чем мы могли бы ему угрожать.

Позднее мне еще предстоит вспомнить эти слова – и с изрядной долей иронии.

Глава шестая

Знакомство с олори – Мсье Велюа – Мои взгляды на охоту – Мсье Велюа может оказаться полезным – Ужин в Пойнт-Мириам – Шелухим³ – Поклонение драконам

Как и говорил Фадж Раванго, во дворце было много общих дворов и комнат, где мы могли общаться с противоположным полом. Но прежде, чем отыскать их, нам пришлось пройти сквозь строй женщин.

Наутро (поужинав в одиночестве и рано отправившись спать накануне) мы с Натали обтерлись влажными губками, переоделись в чистое и отправились вниз на поиски мистера Уикера. Пытаясь следовать в направлении, которое полагали верным, мы оказались во дворе, полном дам, при виде нас немедленно умолкших.

Признаюсь: мы выглядели там потрясающе неуместно. Все остальные во дворе были эриганками, облаченными в накидки из узорчатого хлопка, даже на вид куда более удобные в такую погоду, чем наши корсеты и платья с длинным рукавом. Столь экзотические существа, как пара антиопеек, конечно же, не могли не привлечь внимания. Однако я чувствовала, что дело не только в этом: отныне мы вошли в воды не только межкультурные, но и политические. Мы были не просто иноземными гостями – мы были, как мне подумалось ранее, новыми переменными в местной политике.

Вскоре стало очевидно, кто из них вправе давать оценку изменениям в местных политических вычислениях. На нас внимательно смотрела женщина, сидевшая на низком табурете в дальнем углу двора – она-то, судя по тому, как держались с ней окружающие, и была здесь главной. Черты ее были из тех, что Фадж Раванго описывал мне, как характерные для мебели: низкий лоб и округлый подбородок, превращавший ее широкое лицо в почти правильный круг. Подобные лица кажутся дружелюбнее, чем более резкие и угловатые, но плотно сжатые губы и острый, внимательный взгляд подсказывали, что на физиогномику полагаться не стоит.

Повинуясь ее жесту, одна из женщин приблизилась к нам.

– Олори Денью н'Кпама Валейим приглашает вас побеседовать, – сказала она по-йембийски.

Так я узнала, кто устроил нам западню. «Олори» – титул, который носят младшие жены оба, на ширландский его, пожалуй, можно перевести как «королева-консорт». Положением они ниже старшей жены (или «королевы»), имеющей титул «айяба». Я знала, что правящий оба имеет трех жен, но на этом мои познания и заканчивались. Разжиться информацией о них в Ширландии было нелегко: то немногое, что мне посчастливилось найти, касалось только королевы, Идови н'Гемо Тагви.

Чтобы узнать нечто большее, требовалось действовать. Мы с Натали двинулись к олори, пока она не подняла руку, веля нам остановиться перед нею, шагах в четырех. Она сидела под расшитым бисером балдахином, косы ее были перевиты золотом, под стать тяжкому бремени золотых украшений на запястьях и щиколотках.

Я склонилась перед ней в реверансе, как сделала бы перед королевой Ширландии, надеясь, что до меня здесь бывали другие антиопейки, либо олори самостоятельно узнает в поклоне жест почтения. Едва я и последовавшая моему примеру Натали успели подняться, женщина заговорила:

– Ты здесь одна?

---

³ Посланники, апостолы (*ивр.*).

– Нет, олори, – ответила я, надеясь, что не совершу ошибки, обратившись к ней согласно титулу. – Вот моя спутница, мисс Натали Оскотт. Кроме этого, нас сопровождает джентльмен по имени мистер Томас Уикер.

Судя по поджатым губам, мой ответ ее не впечатлил.

– Твое имя. Ты – Изабелла Кэмхерст.

– Да, олори.

Должно быть, мы служили темой для сплетен еще до прибытия.

– Женщины твоего народа принимают родовое имя мужа, так? Значит, этот человек тебе не муж. Ты приехала сюда одна.

Только теперь я поняла, о чем речь.

– Боюсь, мой муж мертв.

Она смерила меня взглядом – по-видимому, в поисках признаков траура или вдовства.

– И его брат не взял тебя в жены?

Вспомнив Мэттью, я едва не расхохоталась в голос.

– Это не в наших обычаях, олори.

Тут мне с запозданием вспомнилось, что в некоторых странах байтисты⁴, поклоняющиеся Храму, до сих пор следуют этому обычаю – особенно те, у кого, вдобавок, принято многоженство, но я решила, что владею местным языком не настолько, чтобы заводить разговор на столь сложную тему. Да это было и неважно. В Ширландии такое не принято – этого было довольно.

– М-м-м...

Олори ничем не показала своего отношения к нашим обычаям. Полагаю, она была человеком насквозь политическим – из тех, что никогда не выказывают чувств, если только это не принесет выгоды. Мне она совсем не нравилась, но не скрываются ли за ее сдержанностью некие намерения, которых мне стоит опасаться, я понять не могла.

И тут она задала следующий вопрос, тот самый, который мне задавали десятки – нет, сотни раз в жизни, и неизменно с одним и тем же флёрком легкого недоверия:

– Ты здесь ради... драконов?

– Да, – вопрос мог таить в себе все что угодно, но я даже не попыталась скрыть свой энтузиазм. – Мы – ученые... драконознатцы.

На моем йембийском это было ближе всего к ширландскому «натуралисты».

– Но что же здесь изучать? Драконы – не боги и не великие герои. И даже не домашний скот. И не пригодны для войны. Их не обучить ничему полезному. Вы – охотники?

– Боже правый, нет! – вырвалось у меня. – То есть... да, мы с мистером Уикером охотились на драконов. Точнее сказать, охотился он, а я только зарисовывала убитого зверя. Но мы не из тех охотников, о которых, я полагаю, идет речь. Мы не убиваем драконов ради развлечения или трофеев, олори. Мы хотим понять их – их природу, их поведение.

Обычно это наводит собеседников на следующий совершенно непостижимый (для них) вопрос: зачем тратить столько усилий на изучение природы и поведения драконов, если не с целью охоты на них. Но олори Денью н'Кпама Валеим пришло на ум другое.

– Зарисовывала? Значит, ты – художница?

Вопрос застиг меня врасплох.

– По-видимому, да, – ответила я. – На самом деле я скорее ученый, но рисую и пишу красками. Когда это нужно для работы.

Это очевидно обрадовало олори, хоть я и представить себе не могла, по какой причине. Опустив руки на колени, она удовлетворенно кивнула. Кивок послужил сигналом к окончанию допроса: прочие дамы заговорили, и мы с Натали провели следующие полчаса в приятных

---

⁴ От «байт» (*ивр.*) – дом, семья.

(хоть и очень утомительных для ума) разговоров на йембе. Сбежать удалось, лишь сославшись на необходимость отыскать мистера Уикера.

Нас снабдили провожатой, и та провела нас сквозь соты дворца в один из общих дворов. Там, в тени раскидистого дерева, мы нашли мистера Уикера, погруженного в беседу с незнакомым нам человеком.

Я не знала, стоит ли удивляться тому, что его собеседник – антиопеец. Конечно, иностранцы вовсе не сидели взаперти в колониальных кварталах Нсебу, но я не ожидала, что они отыщут нас так быстро. Или это мистер Уикер отыскал его?

Похоже, антиопеец был не из военных. Светловолосый, с рыжеватыми баками, он был одет не в шерстяной мундир, а в свободное, практичное платье из ткани, называемой в Ишнаце «хаки». Его чистая, светлая кожа была покрыта густым бронзовым загаром и изборождена морщинами, хотя на вид ему было не более сорока. Он был подтянут и мускулист, будто атлет, и я представления не имела, кто он такой.

Конечно же, мистер Уикер не оставил меня в неведении. Увидев нас, он поднялся с табурета, а следом за ним поднялся и его собеседник.

– О, миссис Кэмхерст, мисс Оскотт. Рад, что вы смогли присоединиться к нам. Позвольте представить вам мсье Грегуара Велюа.

Ладонь мсье Велюа оказалась жесткой от мозолей, ногти – широкими и тупыми. То была рука рабочего человека. К моему удивлению, когда он заговорил, в его речи зазвучал не тьессинский, а айвершский акцент.

– Мое почтение, миссис Кэмхерст. Рад знакомству, мисс Оскотт. Вашему прибытию предшествовало множество слухов. Вы – вовсе не те, кого я ожидал увидеть.

– Вот как? – ответила я, без видимой причины почувствовав себя слегка уязвленной. Возможно, аудиенция с олори привела меня в дурное расположение духа. – Кого же вы ожидали увидеть?

– Даму куда старше и невзрачнее, – отвечал он с прямою, присущей, скорее, айвершам, чем тьессинцам. – Я слышал, вы – вдова.

По крайней мере, теперь у меня появилась причина чувствовать себя уязвленной.

– Так и есть, сэр. Но смерть моего мужа никак не может указывать на мой возраст или внешность.

Вместо того, чтобы обидеться, он рассмеялся.

– О, и в самом деле. Но слухи есть слухи, не так ли? Безосновательные предположения лишь ради того, чтобы убить время. Уверен, теперь, когда вы здесь, слухи станут ближе к истине.

Основываясь на жизненном опыте, я искренне надеялась, что не задержусь здесь надолго. Чем иметь дело с людьми в Атуйеме, будь то хоть эриганцы, хоть антиопейцы, я куда охотнее отправилась бы в буш, к драконам.

– А что привело сюда вас, мсье Велюа? Членом одной из ширландских делегаций вы оказаться не можете. К тому же, я узнаю ваш акцент, и он не соответствует тьессинскому обращению «мсье».

– Как и тьессинскому имени. Из тех земель мой отец – он родился в Фонмартре. Знаете этот город? Да, совсем рядом с границей. В юности он эмигрировал и женился на айвершской женщине. И все же я не «герр», а «мсье», так как уже десять лет проживаю в Тьессине и здесь – благодаря щедрости одного тьессинского заказчика.

Я сдвинула брови.

– Вы не ответили на мой вопрос... мсье.

– Мсье Велюа – охотник, – вмешался мистер Уикер.

С запозданием оценив свои слова, я смущенно моргнула: враждебность к нашему антиопейскому собеседнику напомнила мне о моем прежнем поведении в отношении мистера Уикера. Я попыталась смягчить тон.

– Понимаю. Вы здесь для охоты на слонов или на леопардов?

Велюа улыбнулся, как будто наша беседа с самого начала была исключительно дружелюбной.

– Я, миссис Кэмхерст, не пренебрегаю никакой дичью, лишь бы она была как можно опаснее. Какой интерес в охоте без риска? Хаживал я на тигра в Ремате, на медведя в Каатседу, на мамонта в Сиоре. Здесь же я собираюсь поохотиться на слона, леопарда и дракона.

«Вот тебе и дружелюбие», – подумала я.

Зная, что означает напряженность моей осанки, Натали опустила руку мне на плечо. Но это меня не удержало.

– На дракона... Вот как? В таком случае, не могу искренне пожелать вам успеха в этом предприятии. Я не нахожу ничего хорошего в спортивной охоте вообще, а уж тем более – в охоте на драконов. Возможно, вы не осведомлены об этом, сэр – если только не имеете обыкновения читать научные труды, в чем я сомневаюсь, – но во время экспедиции в Выштрану мы...

– Вы открыли траурное поведение среди выштранских горных змеев, – Велюа поджал губы, но тон его почти не утратил прежнего дружелюбия. – Я действительно читаю научные труды, миссис Кэмхерст, когда дело касается крупных животных. Хороший охотник должен знать свою дичь.

– Они – не просто дичь, – сказала я сквозь стиснутые зубы. – Безмерно жаль, что вы готовы убивать их всего лишь ради когтей и клыков.

«Безмерно жаль» было весьма и весьма далеко от того, что я хотела сказать, но ширландская вежливость заставила сдерживать язык. Теперь, многие годы спустя, я говорю то, что думаю, без малейших угрызений совести.

Да, это правда: мне и моим спутникам приходилось убивать драконов в ходе исследований, а порой даже в целях исследований. Но еще до того, как у меня возникли сомнения в этой практике, я всей душой ненавидела охоту ради трофеев, считавшуюся в те времена (а в некоторых странах и до сих пор считающуюся) прекрасным проявлением мужской доблести. И ведь как редко подобные люди охотятся на зловредных животных, на самом деле досаждающих простому народу! Если они охотятся на лис, то речь идет о лисах, специально отловленных для этой цели и выпущенных в милый ухоженный парк, а не о тех, что таскают кур у крестьян, живущих за оградой этого парка.

Нет, их дичь – роскошные звери, великолепные цари и царицы диких земель, а охота на них затевается только оттого, что роскошный, величественный трофей куда почетнее, чем серый и невзрачный. Редкий охотник согласится испытать свое мужество, выйдя на гиппопотама – зверя столь же опасного, сколь и забавного на вид. Большинство предпочтет обладателей шкур или кож, которыми можно похвастать впоследствии. Убийство животных только ради того, чтобы украсить трофеем свой кабинет, мне глубоко отвратительно, и я не в силах сдержать отвращение к тем, кто участвует в подобных развлечениях.

И отвращение это удваивается, когда добычей охотника становится дракон: ведь, как известно всему миру, я – их преданная поклонница и защитница.

Но Велюа мое неодобрение, судя по всему, нимало не тревожило. Да и с чего бы? Чем могла помешать ему моя бессильная ярость?

– Да, клыки и когти – трофеи ценные, но отнюдь не единственные. Мне приходилось не только убивать животных, но и ловить их живьем – однажды даже дракона. Кстати, вы и сами могли его видеть.

– Какого дракона? – спросила я. Вопрос прозвучал довольно резко, так как в мыслях моих начали зарождаться ужасные подозрения.

– Мулинского болотного змея, – ответил он. – Добыл его недалеко от побережья – единственные безопасные места, и то лишь относительно. Карлик, уродец – однако сумел доехать до зверинца в Фальчестере.

Говоря, он наблюдал за мной, и я не смогла скрыть своей реакции. Я в самом деле видела этого дракона вместе с двумя прочими карликами, в тот самый день, когда познакомилась с мужем. Если бы не эти драконы, я могла бы никогда не выйти замуж за Джейкоба, со всеми дурными и добрыми последствиями, какие повлек бы за собою такой поворот. И одна мысль о том, что я обязана хоть крупицей своего счастья человеку наподобие Велюа, привела меня в бешенство.

А он, как ни в чем не бывало, добавил:

– Надеюсь попробовать снова – в джунглях или в саванне. На взрослого, полноценного дракона покупателя найти труднее: их слишком тяжело содержать в неволе. Но все же главное здесь – интерес.

С моей стороны было бы лицемерием желать ему удачи в этой затее. Но столь же лицемерным было бы и обвинять его, помня о наслаждении, испытанном при виде тех плененных драконов. В конце концов я просто стиснула зубы и предоставила продолжать беседу другим.

К несчастью, как выяснилось в дальнейшем разговоре, мистер Уикер успел условиться с кровожадным мсье Велюа о том, что все мы сегодня же встретимся с ним за ужином. Велюа был в хороших отношениях с множеством людей из Пойнт-Мириам, служившего не только оборонительным укреплением, но и резиденцией колониальных властей Нсебу. Учитывая, что в королевском дворце мы еще не освоились и не привыкли к его жизненному ритму, а оба, сам же пригласивший нас в гости, до сих пор не удостоил нас вниманием, самым разумным было принять приглашение. Однако мне эта идея пришлась не по вкусу, и я от души жалела, что не могу найти приемлемого повода уклониться.

Мало этого – наши планы быстро расширились от одного-единственного ужина до целого дня в обществе этого человека. Перед возвращением в Нсебу нам предстоял осмотр нижней части Агуйема. Вскоре мы покинули пределы дворца, по пути Натали завела с Велюа светскую беседу, а я ухватила мистера Уикера за рукав и оттащила назад, чтобы больше никто не мог слышать моего шепота.

– Как вы могли навязать нам общество подобного субъекта? – прошипела я, испепеляя взглядом широкую спину мсье Велюа. – Да еще без предупреждения? Вы ведь прекрасно знаете мое мнение на этот счет.

Мистер Уикер раздраженно высвободил рукав из моей хватки.

– Я сделал это потому, что он может оказаться для нас полезным. Или вы предпочли бы снова убивать драконов ради наших исследований?

Пройдя под аркой каких-то незнакомых ворот, мы вышли на улицу, где мостовая содержалась не в таком порядке, как на предыдущей. Слушая мистера Уикера, я споткнулась о выступающий камень. Планируя экспедицию, мы с самого начала договорились, что одной из ее задач будет испытание процесса, разработанного Росси, на кости эриганских драконов, дабы установить, годится его процесс только для сохранения кости выштранских горных змеев или подходит для более широкого круга видов. И для этой цели нам действительно требовался убитый дракон.

– То есть... – теперь я взглянула на спину мсье Велюа совсем иначе. – Вы собираетесь прибрать к рукам его добычу?

– Как только он получит свои трофеи, у него не останется причин отказать нам в остальном. А мы можем сказать ему, что собираемся снять с костей гипсовые слепки. Вполне резонное объяснение.

До разработки метода консервации гипсовые слепки были единственным средством сохранить кости драконов для изучения. Способ был не слишком хорош: залитые гипсом, дра-

коньи кости распадались еще быстрее обычного, однако Элии Парадиньо удалось несколько улучшить методику. Мистер Уикер был совершенно прав: такое прикрытие было безупречным.

И все же я не сдержала вздоха.

– Тогда придется терпеть его общество. Однако... Если даже оставить в стороне его хобби, не нравится мне этот человек.

– Никто не требует от вас выйти за него замуж, миссис Кэмхерст.

Прошло три года, и скорбь по Джейкобу более не представляла собой открытой раны (или так я полагала), но в тот момент я была утомлена, зла на мсье Велюа и, самое главное, снова находилась в экспедиции для изучения драконов. Конечно, Байембе безмерно отличалась от Выштраны, но факт оставался фактом: подобная экспедиция привела к гибели Джейкоба.

На сей раз я не споткнулась, а просто остановилась, как вкопанная. Всего на миг – я тут же велела ногам двигаться дальше, – но этого оказалось достаточно, чтоб мистер Уикер осознал свою ошибку. Он тоже остановился и повернулся ко мне лицом, отчего и мне снова пришлось остановиться.

– Простите, – сказал он, и, думаю, в эту минуту его лицо покраснело не только от жары. – Я... я вовсе не имел цели сделать вам больно. Я хотел пошутить, но пошутил, не подумав. Прошу вас, простите.

Я совершенно некстати задумалась о том, сколь долго еще должна продержаться относительная гармония наших отношений, прежде чем я перестану размышлять о том, как то же самое выглядело бы во времена их начала. Но, чтобы эта гармония продолжалась и далее, не следовало сидеть сложа руки – то есть стоять посреди улицы, размышляя о подобных вещах, в то время как извинения мистера Уикера остаются без ответа.

– Прощаю, – сказала я. – Я вовсе не в обиде. Просто... думаю, вы понимаете.

Конечно, все это привлекло внимание наших спутников: им пришлось остановиться впереди, дожидаясь нас.

– Все в порядке? – окликнул нас мсье Велюа.

– Да, вполне, – отозвалась я и ободряюще улыбнулась мистеру Уикеру, прежде чем вновь присоединиться к остальным.

* * *

Ужин в Пойнт-Мириам странным образом сбивал с толку. Жара и запахи, витавшие в воздухе, безусловно, были эриганскими, но дом, где мы ужинали, был выстроен согласно стандартам моего народа. Стол был накрыт так, точно стоял в загородном доме какой-нибудь ширландской леди, а перед ужином мы наслаждались закусками в гостиной, которая вполне могла бы оказаться крохотным уголком Ширландии, пересаженным в иноземную почву. Возможно, предполагалось, что это должно подбодрять новоприбывших, но в результате ужин вышел изнурительно душным: наша архитектура совсем не подходит для местного климата.

Состав гостей оказался столь же несбалансированным, как и за ужином-западной, устроенным лордом Хилфордом. Дам за столом присутствовало всего три: я, Натали и замужняя леди из Уэйна по имени Эрин Энн Кервин, пришедшая с мужем.

– Какое облегчение – снова оказаться в женской компании, – сказала она после того, как нас представили. Ее акцент был очень похож на акцент мистера Уикера, но ярче выражен. Уэйн, расположенный к северу от Нидди, – самый обособленный из крупных ширландских островов. Он остается обособленным и в наше время, а уж в прошлом был изолирован от остальных намного сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.